

СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ

Н. И. ПИРОГОВА.

ИЗДАНИЕ

Общества Экспериментальной Педагогики.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).

1911.

СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ

Н. И. ПИРОГОВА.

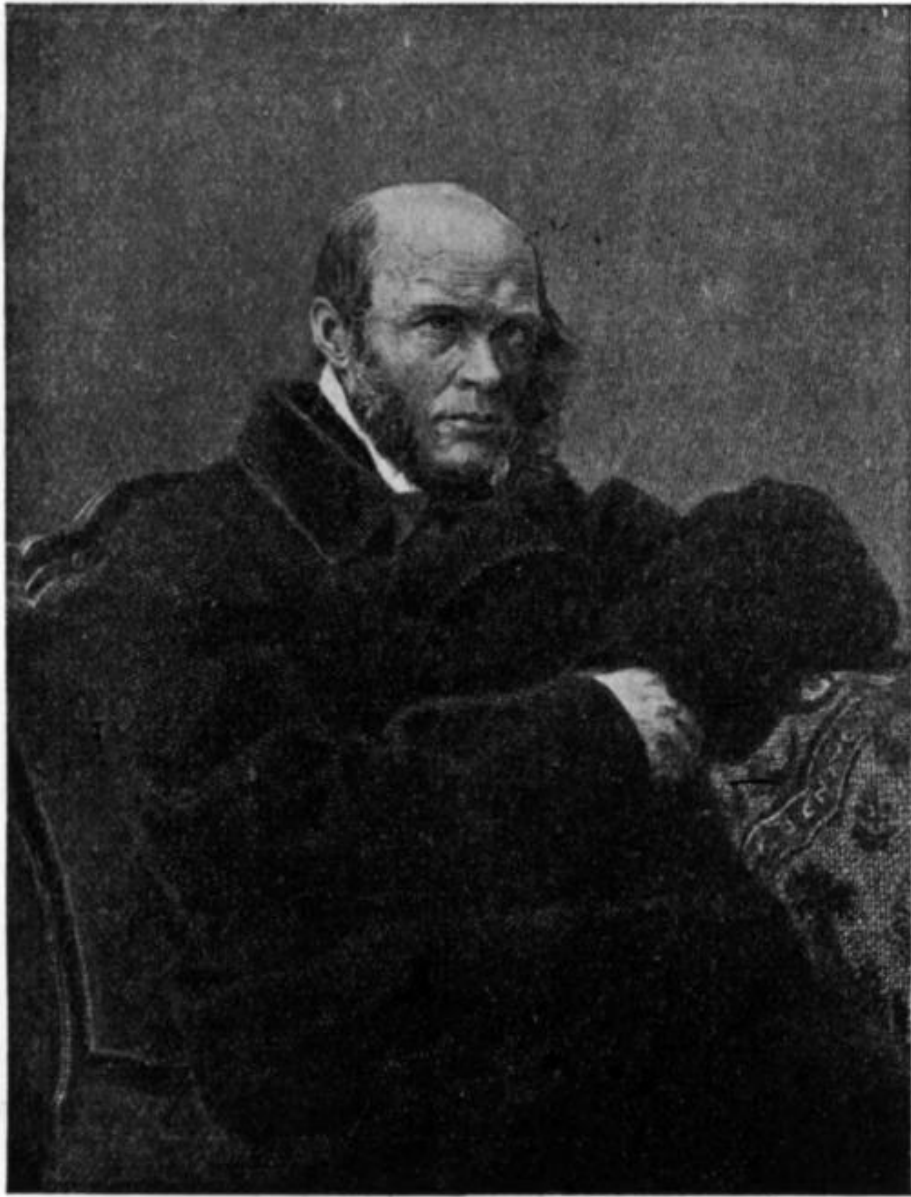
ИЗДАНИЕ

Общества Экспериментальной Педагогики.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).

1911.



Н. И. Пироговъ.

7-го ноября 1910 г. въ большой аудиторіи Педагогическаго Музея состоялось торжественное собраніе Общества Экспериментальной Педагогики въ память *Николая Ивановича Пирогова*. Этому собранію предположено было придать характеръ совмѣстнаго чествованія памяти Пирогова отъ имени всѣхъ педагогическихъ обществъ Петербурга. Въ отвѣтъ на приглашеніе Правленія Общества Экспериментальной Педагогики, были уполномочены произнести рѣчи на этомъ собраніи слѣдующія лица: Н. С. Карцовъ и П. Ф. Каптеревъ—по полномочію Родительскаго Кружка, А. П. Нечаевъ—по полномочію Общества Экспериментальной Педагогики, Е. А. Чебышева-Дмитріева—Женскаго Благотворительнаго Общества и С. А. Золотаревъ—Педагогическаго Общества Взаимной Помощи.

Въ музыкальной части вечера изъявили согласіе принять участіе артисты-педагоги: Г. А. Казаченко, Н. Н. Кедровъ, К. Н. Кедровъ и М. М. Чупрынниковъ, при чемъ Г. А. Казаченко, спеціально для этого случая, переложилъ для мужского квартета часть *Requiem* Моцарта (*Lacrimosa*).

Случайно совпавшая со днемъ Пироговскаго засѣданія кончина *Льва Николаевича Толстого* неожиданно придала Собранію совершенно исключительный характеръ.

Открывая собраніе, предсѣдатель Общества Экспериментальной Педагогики А. П. Нечаевъ сказалъ:

«Наше сегодняшнее собраніе омрачено вѣстью о кончинѣ Л. Н. Толстого. Великая любовь къ правдѣ, настойчивый призывъ къ самосовершенствованію, горячее стре-

мленіе къ братскому единенію со всѣми людьми, безъ различія состояній, народностей и религій, въ теченіе всей долгой жизни Льва Николаевича служили для него путеводными свѣточами. Онъ вѣренъ былъ этимъ свѣтлымъ завѣтамъ, на нихъ воспиталъ свою чуткую совѣсть, и милліоны сердець во всѣхъ концахъ міра преисполнены благоговѣйнымъ чувствомъ предъ высокой силой его нравственнаго авторитета.

Левъ Николаевичъ былъ пророкомъ по природѣ, учителемъ по призванію, и онъ испыталъ всю глубину радости и все томленіе духа великихъ учителей жизни.

Когда тяжелое горе охватываетъ сердце, у однихъ уста нѣмѣютъ, другіе же, напротивъ, не могутъ молчать. И большимъ утѣшеніемъ при свѣжихъ могилахъ друзей человѣчества является сознаніе, что дѣло, надъ которымъ они работали — дѣло вѣчное, что много благородныхъ силъ боролось и будетъ бороться за ту же правду, за то же добро...

Сегодняшній вечеръ, посвящаемый памяти великаго учителя и друга человѣчества Н. И. Пирогова, наглядно показываетъ, какъ дороги намъ учителя общественной правды и добра, какъ долго и послѣ своей смерти они служатъ намъ нравственной поддержкой. Л. Н. Толстой часто любилъ останавливаться мыслью на этой незримой духовной связи между отдѣльными борцами за нравственную свободу человѣческой личности. И, можетъ быть, сегодняшнее собраніе въ память великаго Пирогова, случайно совпавшее съ днемъ кончины гениальнаго русскаго писателя, явится лучшей формой его перваго поминовенія. Умеръ Пироговъ, умеръ Толстой, но живы и будутъ вѣчно жить ихъ лучшіе завѣты, ихъ призывы — любить и уважать въ человѣкѣ все, чѣмъ люди живы».

Вслѣдъ за рѣчью предсѣдателя, сообщившаго о смерти Л. Н. Толстого, былъ исполненъ Requiem, выслушанный всѣми присутствующими стоя, въ глубокомъ молчаніи. Затѣмъ артистомъ Н. Н. Кедровымъ (подъ аккомпаниментъ Ф. В. Лежена)

были пропѣты: «Пророкъ» (слова Пушкина, муз. Римскаго-Корсакова) и «Сѣйте разумное, доброе, вѣчное...» (слова Некрасова, муз. Кюи).

Послѣ перерыва началась вторая часть засѣданія, посвященная памяти Н. И. Пирогова.

На эстрадѣ возвышался бюстъ Пирогова, украшенный зеленью. Аудиторія была переполнена.

Жизнь Николая Ивановича Пирогова.

Въ признательности потомства къ выдающимся соотечественникамъ не только проявляется его долгъ, но въ этой благодарности мы, вновь соприкасаясь съ высокими идеями, обрѣтаемъ силы для плодотворной работы и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Жизнь великихъ двигателей націй представляетъ въ своихъ подробностяхъ много поучительнаго. И тотъ фактъ, что Н. И. Пироговъ оставилъ намъ свою автобіографію, есть уже заслуга передъ русскимъ обществомъ, такъ какъ въ ней юноша, педагогъ, врачъ, государственный дѣятель вообще найдутъ много психологическихъ указаній для ихъ работы надъ своей собственной личностью и для ихъ работы на пользу согражданъ.

Если мы откроемъ первыя страницы этой автобіографіи, то мы сейчасъ же встрѣтимъ мысль о томъ, что жизнь даже второстепеннаго дѣятеля, часто раскрывая задушевные его тайники, служитъ путеводной нитью для самонаблюденья. Бросимъ же краткій взглядъ на жизнь Пирогова.

Дѣтство Н. И. было счастливо. Отецъ его, чиновникъ въ Московскомъ провіантскомъ депо, умѣлъ установить хорошія семейныя отношенія въ своемъ домѣ; это былъ человѣкъ истинно религіозный, любившій природу, любившій живопись. Онъ дарилъ своимъ дѣтямъ книги, и намъ интересно свидѣтельство самого Пирогова о его чтеніи въ дѣтствѣ, нѣсколько удивительное для настоящаго времени. Донъ-Кихоть и Робинзонъ мало интересовали мальчика, а много разъ перечитаны были поучительное «Дѣтское Чтеніе» Карамзина, «Зрѣлище вселенной» Каменскаго и Золотое зеркало для дѣтей. Но, съ

другой стороны, Эзоповы басни питали живость и юморъ въ характерѣ будущаго писателя. Интересенъ и другой фактъ въ дѣтствѣ Пирогова. Его братъ былъ при смерти; врачи отчаивались въ его выздоровленіи, но вотъ пріѣзжаетъ въ величественной обстановкѣ Московская знаменитость, проф. Мухинъ, осматриваетъ больного и спасаетъ ему жизнь. Это повліяло на будущаго врача, и его любимой игрой съ того времени стало леченіе больныхъ. Игру эту не оставлялъ онъ и тогда, когда былъ уже студентомъ. Этотъ докторъ Мухинъ игралъ впоследствии въ жизни Пирогова рѣшающую роль. Теперь нужно было Пирогова учить, и отецъ отдаетъ его полупансіонеромъ въ славившееся тогда «Своекоштное отечественное училище для дѣтей благороднаго званія». Изъ этого учебнаго заведенія Пироговъ вынесъ доброе впечатлѣніе. Директоръ Кряжевъ рѣдко прибѣгалъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, хорошо преподавалъ иностранные языки и вообще былъ хорошимъ педагогомъ. Очень успѣшно шли у Пирогова занятія по русскому языку у преподавателя Войцеховича. Когда впоследствии, уже знаменитымъ хирургомъ, онъ посѣтилъ въ клиникѣ больного учителя, то послѣдній удивлялся, что Пироговъ сталъ врачомъ, а не филологомъ. Слѣдовательно, уже въ дѣтствѣ проявлялась богатая, разносторонняя натура Пирогова.

Между знакомыми отца было нѣсколько врачей, и это, можетъ быть, служило толчкомъ Пирогову для выбора медицинскаго поприща.

Но пришла бѣда для семьи Пирогова. Подчиненный отца растратилъ казенныя деньги, и начальнику, въ данномъ случаѣ совершенно неповинному, пришлось за него заплатить. Это разрушило благосостояніе семьи Пирогова и заставило взять мальчика изъ пансіона. Ему было всего 14 лѣтъ. Въ университетъ принимали только 16-ти лѣтъ. Отецъ обратился къ проф. Мухину, спасителю одного изъ его сыновей, съ просьбой спасти другаго. Подается въ университетъ нѣсколько невѣрная метрика, и по ней не 14-лѣтній, а 16-лѣтній Пи-

роговъ держитъ вступительный экзаменъ. Проф. Мухинъ, присутствуя на немъ, поддерживаетъ бодрость духа въ будущемъ ученомъ. Достоинно замѣчанія, что по представленному въ университетъ аттестату, Пироговъ не учился ни естественнымъ наукамъ, ни физикѣ.

Университетъ представлялъ не много отраднаго въ 20-хъ годахъ. Пироговъ говоритъ, что многіе изъ профессоровъ вносили «комическій элементъ» въ свое преподаваніе. Одни любили рассказывать про свою семейную жизнь и читать молодежи нравоученія, другіе ограничивались чтеніемъ старыхъ учебниковъ, которые даже въ глазахъ студентовъ представлялись устарѣвшими, третьи посвящали много времени на переключку всѣхъ присутствующихъ въ аудиторіи. Студенты шалили на лекціяхъ: зная, какъ нѣкоторые изъ профессоровъ не любили посѣщенія ихъ аудиторіи студентами другихъ спеціальностей, въ теченіе самой лекціи открывали присутствіе приглашенныхъ ими «чужаковъ», и начиналось шумное изгнаніе ихъ съ лекціи. Въ общемъ, эта темная университетская среда учителей молодежи не могла дать Пирогову того, чего онъ искалъ; однако выдававшійся тогда проф. Мудровъ постоянно говорилъ уже о необходимости изучать анатомическія отклоненія при помощи вскрытія труповъ. Былъ въ университетѣ извѣстный тогда въ Европѣ проф. Лодеръ. Онъ читалъ анатомію, насколько могъ демонстрировалъ свои лекціи; ему обязанъ Пироговъ за хорошее теоретическое преподаваніе этой науки, но практики у Пирогова не было, такъ какъ университетъ не имѣлъ труповъ въ своемъ распоряженіи.

Университетъ вліяетъ на молодежь не одной наукой. Ходить Пирогову въ университетъ было далеко, и обѣденное время проводилъ онъ въ 10-мъ номерѣ студенческаго общжитія. Бесѣды съ товарищами-студентами имѣли громадное вліяніе на развитіе Пирогова. Мальчикъ, воспитанный на лонѣ религиозно-нравственной семьи, строго соблюдавшей посты и всѣ церковные обряды, ходившей къ заутренѣ передъ празд-

никами, слышитъ рѣчи, рѣзко отрицающія святаго начала жизни.

Смѣлая, порой безшабашная литература, грубая шутка, цинизмъ и шумъ,—вотъ общая картина времяпрепровожденія въ 10-мъ номерѣ. Все это рушило первоначальныя вѣрованія мальчиѣа. А въ тѣ дни, когда студенты получали жалованье, проходившіе мимо этого питомника дѣтей Аполлона, по словамъ Пирогова, крестились и отплевывались. Но когда на лекціяхъ университета появились не рассказы изъ семейной хроники, а идеи Гегеля и Шеллинга, то и въ 10-мъ номерѣ почуялось другое вѣяніе. Самъ Пироговъ говоритъ, что 10-й номеръ имѣлъ большое вліяніе на его міровоззрѣніе.

Въ семьѣ Пирогова произошла вторая катастрофа. Отецъ умираетъ, и прежде зажиточная семья остается безъ всякихъ средствъ. Въ судьбѣ матери и сестеръ Пирогова принимаетъ участіе ихъ родственникъ. Они нанимаютъ у него квартиру, и бѣдность доходитъ до того, что этотъ дядя Назарьевъ, замѣтя у студента отставшую подошву, долженъ былъ изъ жалости купить ему сапоги. Потомъ Пироговъ ищетъ средствъ отблагодарить и вспоминаетъ объ этомъ 70 лѣтнимъ старикомъ. Одна ходьба въ университетъ и обратно брала у Пирогова около 4-хъ часовъ въ день. Недостатокъ средствъ не всегда позволялъ пользоваться извозчикомъ на обратномъ пути. Непогода, грязь, все это должно было тяжело отражаться на юношѣ.

Когда въ университетѣ была введена форма, сестры изъ какого-то стараго фрака шьютъ ему мундиръ, но онъ не удовлетворяетъ установленнымъ требованіямъ, и Пироговъ сидитъ на лекціяхъ въ шинели, открывая только красный воротникъ и свѣтлыя пуговицы. Много горя приноситъ Пирогову бѣдность. Онъ видитъ у товарища въ 10-мъ номерѣ прекрасный гербарій, восхищается имъ, забываетъ въ увлеченіи наукой свои матеріальныя средства и пріобрѣтаетъ его за очень дешевую цѣну, за 10 руб. Но когда семья узнала объ этой покупкѣ и не было средствъ уплатить эти 10 руб., сколько горя было

и семьѣ и Пирогову, доходившему до мысли бросить все ученіе, пока дѣло кое-какъ не уладилось. Приносимыя имъ изъ 10-го номера кости не только смущали, но и приводили въ страхъ членовъ его семьи.

Вдругъ эта гнетущая обстановка мѣняется и раскрывается торжественное шествіе Пирогова по пути служенія науки и служенія всему человѣчеству.

Учреждается при Дерптскомъ университетѣ разсадникъ лучшихъ русскихъ научныхъ силъ, институтъ «изъ 20 природныхъ россіянь». Цѣль его готовить будущихъ профессоровъ для 4-хъ тогда русскихъ университетовъ. Прежній покровитель Пирогова, проф. Мухинъ, направляетъ его туда, и Пирогову нужно избрать себѣ специальность. Мухинъ — физиологъ, знаменитый Лодеръ — анатомъ, но Пироговъ избираетъ не физиологію, не анатомію, а хирургию, какъ науку, которая непосредственно служитъ жизненнымъ интересамъ человѣка.

Въ то время дерптскіе студенты славились своими кутежами; многіе русскіе люди гибли среди этихъ кутежей, тогда какъ нѣмцы находили время и кутить и учиться. Тамъ, по словамъ Пирогова, русская поговорка приходилась наоборотъ: «Что нѣмцу здорово, то русскому — смерть».

Но знакомство съ жизнью 10-го нумера въ Москвѣ отстранило отъ Пирогова увлеченія распущенной жизни. Онъ отдался наукѣ. Жизнь шла не безъ тревоженій.

Не замѣтивъ разговаривающаго съ другими студентами наблюдателя ихъ, профессора русской словесности Перевощикова, онъ ему не поклонился. Послѣдній писалъ жалобу въ Петербургъ; и чѣмъ бы кончилась эта исторія — неизвѣстно, если бы не заступился за молодого студента проф. Майеръ.

Послѣдній «талантливый лѣнищевъ» былъ женатъ на племянницѣ Жуковскаго и жилъ вмѣстѣ со своей тещей, родной сестрой Жуковскаго по отцу. Старушка полюбила Пирогова, ласкала его, и Пироговъ даже на нѣсколько мѣсяцевъ переселился на квартиру проф. Майера.

Пироговъ выносилъ тяжелую нравственную борьбу, о которой вспоминаетъ уже въ старыя годы. Ему хотѣлось оказывать матеріальную помощь старушкѣ матери и сестрамъ, жившимъ въ Москвѣ, но слушаніе частныхъ курсовъ по анатоміи, дорогія иностранныя книги и особенно покупка и содержание собакъ и телятъ для производства операций, на что онъ тратилъ очень много, поглощали всѣ его средства. Такая работа надъ изслѣдованіемъ животныхъ была необычнымъ явленіемъ того времени. Вообще онъ самъ говоритъ, что былъ мало снабженъ для слушанія теоретическихъ лекцій. Онъ такъ увлекался своими спеціальными работами, имѣющими въ виду непосредственное служеніе человѣчеству, что даже не хотѣлъ держать экзамена на доктора, такъ какъ это требовало работы теоретической, которая его мало интересовала. Только въ силу настоятельныхъ убѣжденій проф. Майера онъ держитъ этотъ экзаменъ, явно выказывая небреженіе къ теоретическимъ знаніямъ. Выдержавъ экзаменъ, онъ рвется къ матери и сестрамъ въ Москву, но нѣтъ для этого никакихъ матеріальныхъ средствъ. Тогда онъ беретъ Илиаду Гнѣдича, подарокъ сестры Жуковскаго, другія ненужныя ему книги, часы, самоварчикъ и еще что то, разыгрываетъ все это въ лотерею и на вырученныя деньги ѣдетъ къ роднымъ въ Москву. Эти мѣсяцы и слѣдующіе затѣмъ въ Дерптѣ, гдѣ онъ отдохнулъ отъ своихъ чрезмѣрныхъ трудовъ, онъ считаетъ самымъ пріятнымъ временемъ въ своей жизни. Онъ тутъ, между прочимъ, принимаетъ участіе въ театрѣ и съ явнымъ комическимъ талантомъ играетъ Митрофанушку въ Недорослѣ. Теперь онъ ѣдетъ въ Германію и съ благороднымъ въ данномъ случаѣ девизомъ — «je prends mon bien partout où je le trouve», онъ работаетъ у лучшихъ хирурговъ, Греффе и особенно у Лангенбека. Въ это время всѣ операции совершались безъ всякихъ эфировъ, хлороформовъ, и потому должны были сопровождаться раздирающими криками больныхъ. Хирурги боялись дѣлать быстро операции, но Лангенбекъ въ этомъ отношеніи далъ новое направленіе оператив-

ному искусству. Онъ дѣлалъ операціи быстро, онъ не нажималъ на рѣзецъ оператора, а держалъ его какъ смычекъ. Всему этому учился Пироговъ. Тяжелое разочарованіе ожидаетъ молодого ученаго. Ему твердо обѣщана каѳедра въ Москвѣ на его родинѣ, въ его alma—mater, вблизи матери и сестеръ. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ представиться министру передъ занятіемъ каѳедры, но по дорогѣ узнаетъ, что другое лицо разрушило счастливыя мечты его и мечты старушки матери сестеръ. Пироговъ остается въ Дерптѣ и съ этой поры начинаетъ поражать сотоварищей по наукѣ своими выдающимися дарованіями. Ему предстоитъ сдѣлать операцію извлеченія камня у мальчика. Ходятъ слухи о томъ, что въ Германіи Пироговъ съ особенной быстротой совершалъ операціи на трупахъ, поэтому профессора, выдающіеся врачи Дерпта и студенты, всѣ собираются смотрѣть, какъ будетъ совершать операцію Пироговъ. Присутствующіе смотрятъ на часы, не прошло 2-хъ минутъ, операція кончена. Ахнули отъ удивленія, и славѣ Пирогова положено основаніе. Его зовутъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ читаетъ лекціи врачамъ въ Обуховской мертвецкой и затѣмъ неожиданно для себя, по приглашенію профъ Майера, является кандидатомъ на каѳедру хирургіи въ Дерптскомъ университетѣ, на этомъ лучшемъ тогда медицинскомъ факультетѣ въ Россіи.

Нѣмецкіе богословы сильно противились этому, но послѣ долгихъ споровъ онъ занимаетъ эту каѳедру.

Широко смотритъ Пироговъ на свои обязанности профессора. «Пусть учится только тотъ, кто хочетъ учиться—это его дѣло. Но кто хочетъ у меня учиться, тотъ долженъ чему нибудь научиться—это мое дѣло». Для своей каѳедры онъ работаетъ много, и изумительна искренность въ этой работѣ. На лекціяхъ онъ рассказываетъ студентамъ о всѣхъ тѣхъ ошибкахъ, которыя ему невольно приходилось совершать какъ врачу, хирургу, профессору. Этимъ онъ предохраняетъ учениковъ отъ подобныхъ ошибокъ. Когда печатались результаты этихъ лекцій, «Анналы хирургической клиники», то не-

ожиданно ночью пришелъ къ нему старичекъ цензоръ, нѣмецкій профессоръ. Съ волненіемъ прочелъ онъ Пирогову нѣсколько страницъ изъ этихъ *Анналовъ*, въ которыхъ послѣдній рисуется свой грубый промахъ, вызванный излишней самоувѣренностью. Затѣмъ старикъ цензоръ съ волненіемъ и слезами обнимаетъ молодого ученаго и растроганнымъ голосомъ говоритъ: «*Ich respectiere Sie*».

По свидѣтельству Пирогова это была для него большая награда. Эти *Анналы*, въ которыхъ Пироговъ, по своимъ собственнымъ словамъ, самъ себя валялъ, вызвали рѣзкую противъ него статью одного Птб-скаго ученаго, которому легко было обвинять Пирогова въ тѣхъ ошибкахъ, которыя онъ самъ раскрывалъ обществу. По полученіи этой статьи Пироговъ прочелъ ее своимъ слушателямъ на лекціи и показалъ, что у него ошибокъ еще больше, чѣмъ указано въ статьѣ. Онъ самъ свидѣтельствуется, что этимъ онъ вызвалъ большое довѣріе къ себѣ молодежи. Здѣсь осуществился основной принципъ всей его дѣятельности — «борись, но не враждуй». Среди своихъ ученыхъ трудовъ на кафедрѣ и въ клиникѣ онъ не забывалъ о низшей страждущей братіи. Въ свободные дни, во время вакаціи, онъ разъѣзжалъ по Остзейскому краю и совершалъ массу операцій. Эти разъѣзды были кровопролитны и получили прозвище—*Чингисхановы* нашествія, но эти нашествія приносили счастье сотнямъ людей.

Университетъ даетъ ему возможность познакомиться съ медицинскими учрежденіями Франціи. У французскихъ профессоровъ онъ ничему не можетъ научиться, но учится много и бойко, гдѣ производитъ изслѣдованія надъ животными. Не могло не польстить его самолюбію и то, что франц. ученые встрѣчаютъ его уже знакомые съ его латинскимъ трудомъ объ артеріяхъ. Проф. Велько спрашиваетъ его: *Ne connaissez vous pas le docteur de Dorpat—Pirogoff*, и вмѣстѣ разбираютъ его хирургическую анатомію артерій.

Тяжело было бы для Россіи, если бы такая мощная личность, какъ Пироговъ, работала бы только на ея окраинѣ.

Ему надлежало быть въ центрѣ русскаго просвѣщенія. Къ этому времени состоялась реформа Медико-Хирургической Академіи. Въ 1838 году она перешла изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ въ военное министерство. Произшли перемѣны въ составѣ профессоровъ, и Пирогову предлагаютъ кафедру хирургіи. Но эта кафедра носила исключительно теоретическій характеръ, а на это не могъ пойти Пироговъ. Послѣ переговоровъ для него открывается въ Академіи совершенно новая кафедра госпитальной хирургіи, и она соединяется съ завѣдываніемъ больныхъ во 2-мъ Сухопутномъ госпиталѣ. Попрежнему всѣми силами, всей душой своей Пироговъ отдается новому дѣлу, но встрѣчаетъ въ госпиталѣ невозможные порядки. вмѣсто хинина давали бычачью желчь, вмѣсто рыбьяго жира—какое то масло. Тряпки и корпіи переносились фельдшерами отъ ранъ одного больного къ другому. Съ подобными порядками мириться нельзя было, и Пироговъ вступаетъ въ борьбу, тяжелую борьбу съ главнымъ докторомъ госпиталя. Нападаютъ на Пирогова, что онъ употребляетъ дорогое лекарство — іодовую настойку, что онъ не удовлетворяется экстрактомъ бѣлены, сдѣланнымъ не изъ наркотическихъ средствъ, а изъ зола разныхъ растеній, и борьба эта доходитъ до того, что ассистенту Пирогова предписываютъ слѣдить и доносить о поступкахъ Пирогова, свидѣтельствующихъ будто бы о его умопомѣшательствѣ. Узнавъ объ этомъ, Пироговъ объявляетъ, что подаетъ въ отставку, и тогда этого главнаго доктора госпиталя, рѣшившагося на столь гнусный поступокъ, заставляють въ полномъ мундирѣ при всѣхъ имѣвшихъ соприкосновеніе къ этому дѣлу просить прощенія у Пирогова.

Подъему преподаванія хирургіи и анатоміи способствовало то, что Пирогову удалось основать Анатомическій институтъ при Академіи. Здѣсь во время своей дѣятельности въ Медицинской Академіи Пироговъ произвелъ до 12.000 вскрытій, и всякое вскрытіе сопровождалось обстоятельнымъ протоколомъ. Этотъ Анатомическій институтъ далъ ему возможность

написать свой капитальный труд «Топографическую анатомію по распиламъ черезъ замороженные трупы». Такія изслѣдованія впервые были введены Пироговымъ, и этотъ трудъ до нашихъ дней, по свидѣтельству врачей, не имѣетъ равнаго себѣ во всей европейской литературѣ. Проф. Флоринскій, впоследствии попечитель въ Западной Сибири, свидѣтельствуесть, что выдающіяся преподавательскія дарованія Пирогова, его разнообразная оперативная дѣятельность, привлекавшая вниманіе всего Запада, поставили хирургическую кафедру въ Академіи на такую высоту, которой никогда не достигала она ни до, ни послѣ Пирогова.

Въ это время на Западѣ стала распространяться радостная вѣсть, что при помощи эфира и хлороформа можно избавить оперируемыхъ отъ ужасающихъ страданій и поставить оператора въ болѣе спокойныя условія, ненарушаемыя раздирающими криками и столами больныхъ.

Однако, новая идея требовала подтвержденія, и знаменитый французскій авторитетъ Вельно въ 40 году называлъ ее химерой. Химерой этой, конечно, въ высшей степени заинтересовался Пироговъ, примѣнялъ ее въ операціяхъ надъ животными и убѣждался въ правотѣ этой идеи. Онъ пришелъ къ мысли примѣнить ее въ военно-полевыхъ условіяхъ и для этого выхлопоталъ себѣ командировку въ 47 году на Кавказъ, гдѣ происходили тогда наши военныя дѣйствія. И здѣсь, въ Россіи, впервые доказана была примѣнимость наркотическихъ средствъ при операціяхъ вблизи поля битвы.

Честъ этого принадлежитъ Пирогову, и это первая его заслуга въ военно-медицинскомъ дѣлѣ.

Возвратившись съ Кавказа, утомленный Пироговъ тотчасъ представляется военному министру, но за несоблюденіе формы получаетъ выговоръ. Взволнованный, онъ хочетъ бросить работу въ Военно-медицинской Академіи, но въ это время его приглашаетъ къ себѣ свѣтлая личность, великая княгиня Елена Павловна, которая живо интересуется вопросомъ объ облегченіи участи раненымъ на войнѣ при помощи анестези-

рующихъ средствъ. Она успокаиваетъ его и возвращаетъ бодрость духа. Ближайшее примѣненіе этой бодрости духа послѣдовало тогда, когда въ Петербургѣ въ 48 году вспыхнула страшная холерная эпидемія. Пироговъ изучаетъ средства ея леченія, производитъ до 800 вскрытій и издаетъ свои «изслѣдованія на русскомъ и французскомъ языкахъ по леченію азіатской холеры». Около этого времени совершился переломъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ Пирогова. Еще ребенкомъ онъ постоянно видѣлъ Евангеліе, къ которому въ семьѣ всегда относились съ полнымъ внѣшнимъ благоговѣніемъ. Звуки Евангельскихъ словъ считались священными, но въ смыслъ ихъ не вникали. Пироговъ говоритъ: «Мнѣ нуженъ былъ отвлеченный, недостижимо высокій идеалъ вѣры. И принявшись за Евангеліе, котораго я никогда еще самъ не читывалъ, — а мнѣ было уже 38 лѣтъ отъ роду, — я нашелъ для себя этотъ идеалъ».

Съ этой поры мы видимъ въ Пироговѣ искренно вѣрующаго человѣка, преданнаго идеѣ предопредѣленія и не допускающаго мысли о случайныхъ сочетаніяхъ элементовъ матеріи. (Днев. стар. Вр. изд. 87 г. стр. 181).

Начинается тяжелая для Россіи эпоха — Севастопольская кампанія. Лучшіе русскіе люди стремятся положить свои силы на защиту родины, и Пироговъ понимаетъ, какое значеніе онъ долженъ имѣть на театрѣ военныхъ дѣйствій. Однако, его упорныя хлопоты о томъ, чтобы его отправили туда, не приводятъ къ желаннымъ результатамъ. Дѣло замедляется, и онъ теряетъ надежду быть полезнымъ тамъ, гдѣ ждутъ помощи страдальцы, проливающіе свою кровь. Всѣмъ этимъ заинтересовалась та же свѣтлая личность, великая княгиня Елена Павловна, ея ходатайство передъ государемъ рѣшило дѣло, и годъ спустя послѣ начала военныхъ дѣйствій слѣдовательно, въ октябрѣ 54-го года отправляется Пироговъ на театръ войны.

Передъ тѣмъ великая княгиня сообщаетъ ему о своемъ неслыханномъ планѣ, впервые призвать женщину для ухода

за ранеными на войнѣ и создать для этого Крестовоздвиженскую Общину сестеръ милосердія.

Надъ этимъ смѣются, надъ этимъ злобно и грязно острятъ, этого боятся, противъ этого враждуютъ, а Пироговъ становится во главѣ Крестовоздвиженской общины и приглашаетъ лучшихъ русскихъ женщинъ на общее дѣло. Не стану описывать всѣхъ ужасовъ войны того времени, когда еще не выработаны были благодаря Пирогову современные приемы ухода за ранеными, не стану описывать танцевальныя залы Дворянскаго Собранія въ Севастополѣ, гдѣ лежали груды раненыхъ и не умолкали ихъ стоны и крики, не буду говорить о борьбѣ Пирогова съ тѣми, которые требовали, чтобы врачи заявляли, что все благополучно и дѣло ухода за ранеными идетъ все лучше и лучше.

Сошлюсь на прекрасныя письма самого Пирогова изъ Севастополя, изданныя особой книгой докторомъ Юліемъ Германовичемъ Малисомъ. Ему тоже принадлежитъ, хотя краткая, но прекрасно составленная біографія этого выдающагося врача-педагога. Изъ нея же мы черпаемъ много данныхъ при составленіи настоящаго очерка.

Во время кампаніи Пироговъ обнаружилъ не только большія дарованія хирурга медика, но и дарованія выдающагося администратора. Онъ проводитъ мысль, что для раненыхъ одинаково важны и помощь медицинская и распорядительность въ дѣлѣ ихъ размѣщенія. Онъ установилъ строгій порядокъ въ распредѣленіи и ихъ размѣщеніи, и эти взгляды свои изложилъ онъ впоследствии въ своихъ «Началахъ общей военно-полевой хирургіи». Пироговъ видѣлъ, что Русь страдаетъ отъ духовныхъ язвъ гораздо больше, чѣмъ отъ язвъ физическихъ. Онъ понялъ, что не будетъ никакихъ серьезныхъ улучшеній ни въ военномъ, ни въ какомъ другомъ дѣлѣ, если не поднять будетъ нравственный идеаль у людей, призванныхъ къ государственной и общественной дѣятельности.

Лишь только затихли выстрѣлы и Пироговъ нѣсколько оправился отъ изнурительныхъ трудовъ на театрѣ войны,

онъ пишетъ статью подъ названіемъ «Вопросы жизни». Намъ можетъ показаться удивительнымъ, что статья педагогическаго характера появляется въ журналѣ Морского Сборника, но этимъ журналомъ руководитъ великій князь Константинъ Николаевичъ, который призываетъ къ нему со всѣхъ сторонъ лучшія русскія силы. Изумительно, когда, среди неусыпной хирургической работы, могъ вдумываться Пироговъ въ глубины тѣхъ мыслей, которыя таятся въ умахъ и сердцахъ лучшихъ представителей отвлеченнаго мышленія. Первокласный хирургъ сразу является глубокимъ педагогомъ-мыслителемъ.

Быть-можетъ, есть неясности въ этой статьѣ, быть-можетъ, она выражаетъ субъективныя думы писателя. Хирургъ-медикъ, подобно многимъ философамъ, видитъ единство матеріи и духа. Тутъ есть строки, которыя именуются мистицизмомъ, тутъ есть строки, проникнутыя глубокой вѣрой въ Божественнаго Учителя всего человѣчества, тутъ проповѣдуется борьба, а не вражда во всѣхъ положеніяхъ, куда бы судьба ни кинула человѣка, проповѣдуется любовь къ той средѣ, язвы которой вызываютъ у васъ борьбу. Здѣсь панегирикъ женщинѣ, здѣсь требованіе для нея ранняго развитія мышленія, подобно мужчинѣ. Требуется реформа въ воспитаніи женщины, которая есть, по словамъ автора, воспитаніе всего человѣчества; статья эта въ основѣ своей выдвигала мысль, что прежде всего должно воспитывать человѣка, а потомъ спеціалиста.

И идея эта имѣла вскорѣ затѣмъ большую долю осуществленія въ исторіи нашей школы. И все русское общество, и литературныя его силы, и правительствующія сферы прислушивались къ голосу мыслителя. Министръ народнаго просвѣщенія Норовъ предложилъ Пирогову высокій постъ попечителя Одесскаго учебнаго округа.

Знаменитый врачъ отдается дѣлу просвѣщенія, какъ основѣ всѣхъ спеціальностей, и медицинской въ томъ числѣ. Онъ думаетъ, что попечитель не только администраторъ въ жизни

школы, но еще болѣе миссіонеръ. И нуженъ, и дѣйствительно нуженъ былъ миссіонеръ въ ту эпоху, когда въ учебныхъ заведеніяхъ розга и кулакъ считались чуть-ли не главными воздѣйствіями воспитанія.

Поразилъ Пироговъ и учащихся и учащихся своимъ простымъ, скромнымъ, совсѣмъ не генеральскимъ отношеніемъ къ нимъ. Онъ не только заботился объ учащихся, но уважалъ ихъ, лечилъ бѣдныхъ изъ нихъ и выслушивалъ запретныя тайны ихъ жизни. Но когда дѣло шло о томъ, о чемъ онъ много думалъ, тамъ онъ твердо высказывалъ свое убѣжденіе, не желая, однако, подавлять мысли и чувства тѣхъ, которые были съ нимъ не согласны. Онъ боролся, но не враждовалъ.

Онъ организуетъ литературныя бесѣды среди гимназистовъ, цѣль ихъ—подготовить молодежь къ университетскому труду, развить въ ней самостоятельность, которую мы должны считать вѣнцомъ обученія въ средней школѣ.

Онъ принимаетъ живое участіе въ мѣстной журналистикѣ. Безцвѣтный провинціальный «Одесскій Вѣстникъ» подъ его вліяніемъ переходитъ въ вѣдѣніе тогда единственнаго въ Одессѣ высшаго учебнаго заведенія, Ришельевского лица, и Пироговъ пишетъ открытое письмо редакторамъ преобразованнаго органа. Онъ понимаетъ всю трудность объединять интересы науки со вкусами публики. Онъ указываетъ на не тождество интересовъ различныхъ національностей, интересовъ просвѣщенія и интересовъ пшеницы, но вѣритъ въ возможность единенія всѣхъ этихъ интересовъ. Въ другихъ органахъ печати посыпались на Пирогова инсинуаціи. Студенты Лицея шумно отпраздновали появленіе въ «Indépendance Belge» извѣстія объ ожидаемомъ освобожденіи крестьянъ, и Пирогова нашли неудобнымъ для Одессы, его переводятъ попечителемъ въ Кіевъ. Попечитель-миссіонеръ не мѣняетъ характера своей дѣятельности. Онъ продолжаетъ свою борьбу съ тѣлесными наказаніями въ средней школѣ. Представители школъ въ своихъ собраніяхъ утверждаютъ, что безъ тѣлес-

ныхъ наказаній школа немыслима. Пироговъ знаетъ, что розги отмѣнены закономъ еще въ 1794 году, но знаетъ также, что онѣ царствуютъ въ школахъ и что, если ихъ запретить, ихъ не будетъ на бумагѣ, но онѣ и не уменьшатся въ жизни. Въ школьныхъ «Правилахъ» онѣ ихъ допускаетъ, но требуетъ неукоснительнаго сообщенія о причинахъ ихъ примѣненія. Въ Петербургской прессѣ сыпятся на него за это нападки, но онъ, въ собраніи педагоговъ, безъ вражды указываетъ на эти нападки и продолжаетъ свою борьбу съ розгой на самой жизненной почвѣ. Результатомъ этого было то, что до изданія его «Правилъ» было 550 примѣненій розогъ въ годъ, а черезъ годъ, когда число учащихся увеличилось, было 27 случаевъ примѣненія ихъ. Дѣятельность попечителя не ограничивается исправленіемъ существующаго, она создаетъ и новыя формы просвѣщенія. Воспользовавшись тѣмъ, что попечителямъ округовъ дано было право собственной властью разрѣшать открытіе частныхъ учебныхъ заведеній, Пироговъ разрѣшаетъ кievскимъ студентамъ открыть Воскресную школу для взрослыхъ. Это была первая Воскресная школа въ Россіи, возникшая въ 59-мъ году, за годъ до утвержденія ихъ въ правительственныхъ сферахъ.

Въ это время готовились реформы въ университетѣ, молодежь волновалась. Пироговъ утверждалъ, что университетъ есть барометръ общественныхъ теченій, что волненія тамъ естественны при извѣстныхъ условіяхъ общественной жизни, и все это привело къ тому, что въ 61-мъ году, меньше чѣмъ черезъ мѣсяць послѣ 19-го февраля, Пироговъ оставляетъ педагогическое поприще, ѣдетъ въ Подольскую губернію, къ себѣ въ деревню и говоритъ: «Я буду трудиться въ потѣ лица, буду разрыхлять и очищать землю». Послѣ освобожденія крестьянъ, среди лучшихъ русскихъ силъ появилось движеніе, направленное къ тому, чтобы служить непросвѣщеннымъ массамъ русскаго народа.

Вспомнимъ, что и Л. Н. Толстой сталъ мировымъ посредникомъ; мировымъ посредникомъ, врачомъ духовнымъ, а также

и тѣлеснымъ, сдѣлался и Н. И. Пироговъ. Онъ обходилъ избы, устраивалъ маленькіе лазареты, но очень скоро затѣмъ получилъ командировку въ заграничные университеты для установленія правильныхъ занятій русской молодежи въ Западной Европѣ. Эта молодежь различныхъ специальностей въ своихъ воспоминаніяхъ благодарна Пирогову. Его уважали представители высшей науки въ Западной Европѣ, вслѣдствіе чего ему удалось установить тѣсную и благотворную связь этихъ ученыхъ съ русской молодежью. На Западѣ и врачи и общество высоко цѣнили Пирогова. Интересно, что въ 62-мъ году, во время междоусобной итальянской войны, Гарибальди былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ войсками короля. Съ нимъ обращались, какъ съ царственнымъ плѣнникомъ, но наилучшіе врачи Западной Европы не могли опредѣлить мѣстонахожденіе пули; Пироговъ извлекъ эту пулю и довелъ леченіе до благопріятнаго конца. Изъ заграницы Пироговъ участвуетъ постоянно въ нашей періодической печати, въ издававшейся тогда, весьма распространенной газетѣ «Голосъ». Въ этихъ письмахъ отражается юморъ Пирогова, а идеи часто возвращаются къ всегда волновавшему его вопросу о постановкѣ нашихъ университетовъ. Черезъ 4 года уже окончательно прекращается педагогическая дѣятельность великана въ этой области, и Пироговъ возвращается къ себѣ въ деревню, гдѣ въ теченіе 4-хъ лѣтъ лечитъ и наблюдаетъ крестьянскій бытъ. Когда въ 70-мъ году возгорѣлась франко-прусская война, нашъ Красный Крестъ командируетъ Пирогова осмотрѣть за границей виды частной благотворительности для ухода за больными, военно-полевая врачебная организациі и леченіе раненыхъ въ тылу войскъ. Въ Берлинѣ, почти во всей Германіи, на французской территоріи, вездѣ, куда ѣдетъ Пироговъ, ему оказываютъ торжественныя встрѣчи, это настоящее триумфальное шествіе представителя русской науки въ Западной Европѣ. Благородное самолюбіе Пирогова должно было найти удовлетвореніе при видѣ, что его приемы, гипсовая повязка, его идеи разсѣи-

ванія раненыхъ, все это примѣнялось въ Германіи. «Отчетъ» объ этой поѣздкѣ появился затѣмъ въ русской и германской печати. Черезъ 7 лѣтъ Пирогову опять пришлось увидѣть ужасы войны, когда проливалась наша кровь для защиты славянскихъ государствъ.

67-ми лѣтъ, онъ забываетъ свой преклонный возрастъ и обнаруживаетъ большую живость характера. Однимъ изъ результатовъ этой поѣздки былъ его обширный трудъ о военной и частной помощи больнымъ и раненымъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Здѣсь онъ опять выставляетъ идею, что хорошо поставленная администрація облегчаетъ участь больныхъ не менѣе, чѣмъ врачебное искусство. Самъ свидѣтель 4-хъ войнъ и изслѣдователь другихъ войнъ въ Европѣ и Америкѣ, онъ высказываетъ убѣжденіе, что участіе правительствъ въ возникновеніи той или иной войны есть причина только кажущаяся, а на самомъ дѣлѣ, война есть эпидемія, которой подвластны всѣ народы.

Эта поѣздка въ Болгарію въ 77—78 годахъ была не послѣднимъ актомъ служенія родинѣ. Въ 79—80 годахъ онъ отдался составленію «Дневника Стараго Врача». Этотъ дневникъ врача писался среди страшныхъ страданій, которымъ подвергался Пироговъ передъ своей кончиной. А между тѣмъ въ Москвѣ готовился блестящій юбилей русскому хирургу и общественному дѣятелю.

Когда Москва поднесла ему званіе почетнаго гражданина его родного города, то въ этомъ былъ прообразъ современнаго намъ признанія, что онъ былъ, есть и будетъ однимъ изъ самыхъ почетнѣйшихъ гражданъ и въ центрѣ и на окраинахъ русской земли.

Не легко согласился Пироговъ оставить деревню и ѣхать въ Москву. Для этого проф. Склифасовскій нарочно пріѣзжалъ къ нему въ деревню. Утромъ въ день юбилея была консультація о его язвахъ на небѣ. И въ этотъ же день вся русская наука, общественныя силы, представители инородческаго населенія, университеты Западной Европы, все это, съ рус-

скимъ государемъ во главѣ, горячо привѣтствовало Н. И. Пирогова. Положено было основаніе «Русскому хирургическому обществу» его имени, а между тѣмъ маститый Пироговъ страдалъ отъ мысли приближенія мучительной смерти. Онъ ѣдетъ въ Вѣну къ проф. Бильроту. Послѣдній находитъ язвы не опасными, но неумолимая пророда подвергала страданіямъ того, кто спасалъ отъ страданій десятки тысячъ ближнихъ.

Почти наканунѣ смерти онъ еще писалъ свой дневникъ, и 23-го ноября 1881 г. его уже не стало.

При мысли о тѣхъ ужасныхъ страданіяхъ высокаго русскаго дѣятеля, невольно для насъ является чувство грусти, но это чувство грусти должно смѣниться торжественнымъ признаніемъ, что въ эпоху, неблагоприятную для созданія высокой личности въ области науки и общественныхъ движеній, явился Николай Ивановичъ Пироговъ.

Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ-гуманистъ.

Н. И. Пироговъ нерѣдко говаривалъ: «Ново то, что хорошо забыто». И дѣйствительно, не разъ исторія представляетъ намъ такое явленіе: открытая истина, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, затеривается, забывается, и ее приходится открывать вновь. Во время Пирогова, подъ вліяніемъ долговременнаго преобладающаго интереса государства къ профессионализму и недовѣрія къ свободному научному знанію, затерялся человѣкъ, забылись общечеловѣческіе идеалы. Были сословія, сословныя школы, профессиональные интересы, но совсѣмъ исчезли изъ вида, гдѣ-то спрятались гуманныя широкія стремленія, какъ будто погибла человѣчность. Когда Пироговъ началъ искать ее, когда онъ хотѣлъ своего сына такъ воспитать, чтобы онъ былъ человѣкомъ, ему говорили: напрасный трудъ. Не было людей въ Россіи и нѣтъ, да они собственно и не нужны; люди—это чистая фантазія, одно отвлеченіе, совершенно излишнее для нашего общества; нужны профессионалы, а не люди. Пироговъ не мирился съ такимъ взглядомъ, его именно интересовали люди. «Виновать ли я», говорилъ Пироговъ: «если меня занимаетъ все общечеловѣческое»? Подъ мундиромъ военнаго, подъ рясою священника, подъ сермягой мужика онъ хотѣлъ подслушать біеніе человѣческаго сердца, помимо профессиональныхъ отношеній выяснить общечеловѣческія связи, всемірныя идеалы. Куда дѣлся человѣкъ, гдѣ и въ чемъ человѣчность? Люди есть, люди должны быть, безъ нихъ нельзя жить. А если бы ихъ оказалось очень мало, то ихъ нужно умножить, ихъ нужно создавать. Какъ? Воспитаніемъ. «Истиннаго прогресса», говорилъ

Пироговъ: «мы можемъ достигнуть однимъ единственнымъ путемъ—путемъ воспитанія». Что же такое человѣкъ, и что такое воспитаніе?

Истинный человѣкъ есть искатель вѣчной правды и внутренней гармоніи въ себѣ.

Присматриваясь къ современному обществу, Пироговъ долженъ былъ сознаться, что настоящихъ людей, дѣйствительно, мало. Общество разбилось на маленькіе кружки, преслѣдующіе весьма узкія матеріальныя цѣли. Надъ серьезными вопросами жизни о цѣли и назначеніи человѣка, о томъ, чего нужно искать, къ чему стремиться въ жизни, что въ ней особенно цѣнить и любить, почти никто не задумывался. Громадное большинство общества легкомысленно гонялось за ближайшими внѣшними радостями и утѣхами, не помышляя о томъ, что для того, чтобы жить истинно по-человѣчески, необходимо разрѣшить вопросы жизни, эти роковые тревожные вопросы, не дающіе спокойно спать ни одному человѣку съ претензіей на умъ и чувство. Нужно имѣть нравственныя убѣжденія, создать міровоззрѣніе. А строить его можно единственно на почвѣ самопознанія. Познай самого себя, говорилъ Пироговъ современному обществу, разберись безпристрастно въ своей душѣ, произведи судъ надъ собой, и ты выйдешь на надлежащую дорогу въ дѣлѣ своего обновленія и возрожденія. «Ищи быть и будь человѣкомъ». Нужно сознать и побѣдить присущую человѣку двойственность, противорѣчивость между внѣшнимъ и внутреннимъ я, между влеченіемъ инстинктовъ и силою воли. Борьба съ двойственностью нашей природы—основная задача нашей дѣятельности. Гармонія интересовъ подъ руководствомъ высокаго идеала, миръ въ душѣ при проникновеніи свободной научной истиной—вотъ въ чемъ настоящая человѣчность. Въ раскрытіи ея въ каждомъ человѣкѣ и состоитъ истинное воспитаніе. Оно покоится на убѣжденіи, что съ равныхъ лѣтъ нужно подчинять матеріальную сторону природы духовной, нравственной; что наука есть не простой

сборникъ знаній, а мощное средство дѣйствовать на всю нравственную сторону воспитываемыхъ; что такое воспитаніе такъ же необходимо, какъ хлѣбъ и соль, для всѣхъ, безъ различія національности, сословія и состояній.

Перевоспитаніе людей въ духѣ истинной гуманности возможно лишь при преобладающемъ положеніи въ обществѣ школы. Школа, будучи дочерью общества, должна быть и его матерью, руководить взглядами и убѣжденіями будущихъ поколѣній. Школа не есть лѣпная фабрика, приготовляющая товаръ—людей на обыденную потребу общества. Еслибы школа взяла и признала жизнь такою, какова она есть, и на этомъ остановилась, то школа попала бы въ рабскую зависимость отъ настоящаго и признала бы надъ собою безусловное первенство жизни. Но школа не можетъ имѣть въ виду только одно ближайшее настоящее, вопіющія современныя нужды; школа должна служить прогрессу, имѣть въ виду будущее, быть виднымъ дѣятелемъ въ усовершенствованіи общества. «И отцы, и общество, и государство должны стремиться возстановить смыслъ и права школы, проистекающіе изъ самой жизни. Должно возстановить прямое назначеніе школы — быть руководителемъ жизни на пути къ будущему».

Такое высокое положеніе школы въ обществѣ обусловливается самою сущностью ея дѣятельности — сообщеніемъ молодымъ поколѣніямъ науки, свободной по самой своей природѣ, независимой ни отъ какихъ авторитетовъ. Пироговъ былъ защитникомъ всемогущества науки, глубокаго и всесторонняго вліянія знанія на всю природу человѣка. «Общество только тогда и начинаетъ жить, а не просто расти, когда все, чѣмъ оно живетъ — языкъ, вѣра, обычаи и предавіе, слагается въ науку». Наука составляетъ основу всего воспитанія, между прочимъ и нравственнаго, въ наукѣ кроется такой дѣятельный нравственно-воспитательный элементъ, который никогда не пропадетъ, каковы бы ни были ея представители. Лишь бы наставникъ сумѣлъ довести науч-

ную истину до пониманія учащагося: она уже не останется безъ дѣйствія, потому что во всякой истинѣ, отвлеченной и чувственной, есть доля воспитательно-образовательной силы. Наука беретъ свое и, дѣйствуя на умъ, дѣйствуетъ и на нравы. Поэтому систематическая передача знанія есть первая и главнѣйшая обязанность преподавателя; поэтому наставники, преподаватели науки, должны быть вмѣстѣ и воспитателями; поэтому школа, мѣсто сообщенія научнаго знанія, должна давать тонъ жизни, ею руководить, ее направлять. Все будущее страны находится въ рукахъ школы.

Конечно, школа должна давать образованіе вполнѣ гуманное, истинно общечеловѣческое, чуждое профессионализма, сословности и узкаго націонализма. Жизнь такъ разнообразна и измѣнчива, что постоянно требуетъ полноты и всесторонняго развитія человѣческихъ способностей. Все прикладное изливается и переходитъ въ плоть и кровь только при единственномъ и непремѣнномъ условіи всесторонняго развитія. Только тогда мы можемъ быть спокойны за успѣхъ въ будущемъ, только тогда можемъ ожидать истиннаго прогресса въ нашемъ обществѣ, когда приложеніе знаній будетъ пріистекать само собою, безъ всякой искусственной и насильственной моделировки незрѣлыхъ умовъ и понятій. Человѣческому духу, всесторонне развитому, присуща склонность употреблять и примѣнять пріобрѣтенное безъ всякой насильственной подготовки. Словомъ профессиональное образованіе, какъ полезное практическое примѣненіе общаго, явится само собою.

Настоящая школа, какъ имѣющая дѣло лишь съ наукой, продуктомъ общечеловѣческимъ, по самому своему существу должна стоять выше сословныхъ притязаній и національной исключительности. «Въ дѣлѣ воспитанія, въ дѣлѣ обученія дѣтей и юношей національности нѣтъ; всѣ дѣти равны, кто бы ни были ихъ отцы и матери», говорилъ Пироговъ. Въ рѣчи въ бердичевскомъ еврейскомъ училищѣ онъ спрашивалъ: откуда происходятъ недружелюбіе, вражда и ненависть одной

націи противъ другой? И отвѣчалъ, что причина та же самая, которая производитъ несогласіе, зависть и вражду между различными классами одного и того же народа, т.-е. причина лежитъ въ сословномъ началѣ, глубоко вкоренившемся въ человѣческомъ обществѣ, такъ что каждая нація въ глазахъ другой представляетъ собою и другое, враждебно настроенное, сословіе. Во времена наибольшей разности сословій господствовала и наибольшая національная ненависть. «Съ тѣхъ поръ», говорилъ Пироговъ: «какъ я выступилъ на поприще гражданственности путемъ науки, мнѣ всего противнѣе были сословныя предубѣжденія, и я невольно перенесъ этотъ взглядъ и на различія національныя. Какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни... я никогда не думалъ дѣлать различія въ духѣ сословной и національной исключительности... Эти убѣжденія, какъ слѣдствіе моего образованія, выработавшись цѣлою жизнью, сдѣлались для меня уже второю натурою и не покинутъ меня до конца жизни».

На такихъ началахъ должна построиться школа, чтобы стать руководительницею жизни, потребность такъ учиться и просвѣщаться должна стать инстинктивною потребностью всего общества, какъ и потребность питаться; въ такомъ просвѣщеніи ученье, образъ и свѣтъ должны замѣнить въ понятіи воспитанія матеріальное представленіе о питаніи, приличномъ тѣлу, а не духу. Этотъ духовный свѣтъ учителя должны передавать молодымъ поколѣніямъ съ любовью и довѣріемъ, съ глубокимъ уваженіемъ къ человѣческому достоинству и нравственной свободѣ cadaго человѣка, и большого и малаго. Самъ Пироговъ почиталъ человѣчность въ каждомъ человѣкѣ: онъ говорилъ, что «личность одинаково неприкосновенна и въ ребенкѣ и во взросломъ», онъ никогда не приказывалъ, а убѣждалъ, онъ приравнивалъ дѣятельность попечителя учебнаго округа къ дѣятельности миссіонера, а не начальника; онъ любилъ учащихся, довѣрялъ ихъ природнымъ стремленіямъ, не смущался ихъ увлеченіями. Его глубоко интересовало дѣтство, процессъ его раз-

витія. Сближеніе съ дѣтьми освѣжаетъ, молодить душу, а родителямъ и педагогамъ даетъ возможность пріобрѣсти весьма цѣнныя знанія. «О, еслибы всѣ родители и педагоги по призванію вошли въ этотъ таинственный храмъ еще дѣвственной души человѣка! Сколько новаго и неразгаданнаго еще узнали бы они! Какъ обновились бы, какъ поумнѣли бы сами!»!

Молодежь Пироговъ не только любилъ, но и уважалъ. Прощаясь со студентами Кіевскаго университета, Пироговъ сказалъ, что онъ, старѣясь, не утратилъ способности понимать чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. «Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ; но не всѣ знаютъ, что и молодость должно уважать... Кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различать въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству». И Пироговъ увѣрилъ студентовъ, что не имѣлъ основаній измѣнить свое убѣжденіе и свой образъ дѣйствій, построенный на этомъ убѣжденіи.

Относясь съ такой глубокой симпатіей къ воспитательнымъ возрастамъ, только что приступающимъ къ изученію науки, Пироговъ, понятно, столь же сочувственно относился и къ органамъ научнаго развитія — ученому сословію и высшимъ школамъ, въ частности къ университетамъ, находящимся въ самой тѣсной связи съ обществомъ. Университетъ лучше выражаетъ современное общество, среди котораго онъ существуетъ, чѣмъ всѣ другія учрежденія. Взглянувъ на университетъ глубже, можно вѣрно опредѣлить и духъ общества, и всѣ общественныя стремленія, и духъ времени. «Общество видно въ университетѣ, какъ въ зеркалѣ и перспективѣ. Университетъ есть лучшій барометръ общества. Если онъ показываетъ такое время, которое не нравится, то за это его нельзя разбивать или прятать,—лучше

все-таки смотрѣть и, смотря по времени, дѣйствовать». Поэтому Пироговъ особенно желалъ сближенія жизни университета съ жизнью страны. При разрѣшеніи университетскаго вопроса задача состоитъ не въ томъ, чтобы составить одинъ «общій уставъ россійскихъ университетовъ», а въ томъ, чтобы найти на дѣлѣ особенности каждаго, предоставивъ каждому развивать свою дѣятельность на просторѣ и на свободѣ. Чѣмъ свободнѣе, чѣмъ менѣе будетъ регламентирована дѣятельность университетовъ, тѣмъ яснѣе выразится характеръ каждаго, и тѣмъ болѣе каждый университетъ будетъ соотвѣтствовать потребностямъ общества. Исходя изъ этого начала, Пироговъ защищалъ гласность въ университетскихъ дѣлахъ, съѣзды профессоровъ, связь университета съ Академіей наукъ и гимназіями, автономію университетской коллегіи и пр.

Такъ Пироговъ всюду, во всѣхъ людяхъ, искалъ чело-вѣка и чело-вѣчность, искалъ вѣчную, а не временную правду, такъ понималъ науку и образованіе. Очевидно, мы имѣемъ въ немъ убѣжденнаго гуманиста-педагога и притомъ интел-лектуалиста чистой воды. Идеи Пирогова произвели въ свое время сильное впечатлѣніе на общество, его статья «Вопросы жизни» перепечатывалась и обсуждалась разными органами, его другія статьи также привлекали общественное вниманіе. Несомнѣнно, онъ далъ значительный толчокъ русской педагогической мысли. Но постепенно движеніе, произведенное имъ въ педагогической сферѣ, становилось медленнѣе, сглажива-лось. А нынѣ что Пироговъ для насъ—совсѣмъ дѣло прошлое или идейно живъ еще? Ушли мы дальше этого гуманиста или понятились назадъ? Бывшіе дѣятели бываютъ двухъ родовъ: одни скоро забываются, а если и не скоро, то все же ихъ духовный обликъ, отодвигаясь въ даль временъ прошедшихъ, тускнѣетъ, расплывается, новое общество становится выше ихъ, и они, наконецъ, окончательно поступаютъ въ вѣдѣніе историковъ и архиваріусовъ; другіе, къ удивленію, отходятъ отъ насъ не въ прошедшее, а въ будущее, становятся не

позади, а далеко впереди насъ. Этимъ покойникамъ еще предстоитъ жизнь, ихъ время еще придетъ, т. е. осуществленіе ихъ идей, еще не выполненныхъ въ настоящемъ, принадлежить будущему. Они могутъ быть сравнены съ вилеевской звѣздой, показывавшей путь волхвамъ къ истинѣ—Христу. Ко второму роду покойниковъ принадлежитъ Пироговъ. Когда мы сравнимъ пироговскія идеи и начала о воспитаніи и наукѣ съ раздающимися нынѣ отовсюду голосами о значеніи націонализма, церковности, сословности, о господствѣ въ жизни не высокаго идеала и самоанализа, а грубой физической силы, тогда неизбѣжно припоминаются и пироговскіе вопросы: А гдѣ же человѣкъ? Въ чемъ же человѣчность? Человѣка нѣтъ, онъ опять пропалъ, затерялся, какъ во времена Пирогова, и новый Пироговъ опять долженъ отыскивать его, указывать обществу и повторять пироговскій призывъ: «Ищи быть и будь человѣкомъ»!

Н. И. Пироговъ, какъ предшественникъ педологическаго движенія.

«Истиннаго прогресса, — говорилъ Пироговъ, — мы можемъ достигъ однимъ единственнымъ путемъ—воспитанія. Кто истинно любитъ отечество, для кого грядущее потомство проявляетъ собою идею земного безсмертія, тотъ долженъ и милосердіе посвятить исключительно дѣтямъ».

Современная Пирогову постановка воспитанія не удовлетворяла его. Онъ призывалъ всѣхъ дѣятелей школы глубже проникнуться сознаниемъ основной задачи воспитанія—*создать людей въ истинномъ смыслѣ этого слова*, для чего прежде всего необходимо считаться съ личностью не только учителя, но и ученика. «Живою силой личности, — говорилъ Пироговъ, — я предлагаю обновить среду наставниковъ сверху; въ этой же одной силѣ вижу возможность и преобразованія среды учащихъ—снизу».

Недостаточное знаніе дѣтской психики Пироговъ считалъ одной изъ главныхъ причинъ плохого состоянія школьнаго дѣла. «Особый дѣтскій міръ и прежде для взрослыхъ также мало существовалъ, какъ и теперь. Но не лучше-ли—передъ Богомъ и человѣчествомъ—замѣнить всѣ искусственныя попытки нашего собственнаго воображенія воспитаніемъ, основаннымъ на законахъ дѣвственно-фантастическаго міра дитяти?.. Въ наше время, когда глубокіе умы посвятили себя изученію даже умалишенныхъ, когда начинаетъ обнаруживаться, что и эти отверженцы нашего общества имѣютъ свою собственную логику, свою послѣдовательность въ дѣйствіяхъ, когда наука, проникнувъ въ ихъ особый міръ, ищетъ

въ немъ связи съ нашимъ,—должны-ли мы,—говорю—именно теперь оставаться хладнокровными къ духовному міру нашихъ дѣтей и не изучать его во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ?» *).

Это горячее желаніе Пирогова теперь осуществляется. Мы являемся свидѣтелями событій величайшей важности. Ученые различныхъ спеціальностей, педагоги различныхъ странъ, общественные дѣятели и простые представители семей—объединяются подъ однимъ общимъ лозунгомъ: *«не дѣти для школы, а школа—для дѣтей»*. Мы видимъ цѣлый рядъ упорныхъ усилій, направленныхъ къ планомерному изученію особенностей дѣтскаго и школьнаго возраста. На нашихъ глазахъ—сначала въ Америкѣ, а затѣмъ и въ Европѣ—зародилась новая обширная область научныхъ знаній о ребенкѣ, какъ предметѣ воспитанія. Въ разработкѣ этой новой науки—педологіи—принимаютъ участіе всѣ культурныя страны. И мы видимъ теперь, какъ правъ былъ Пироговъ, такъ ясно сознававшій тѣсную связь между «живою личностью» ученика и «живою личностью» учителя. Какъ только, подъ вліяніемъ близкаго знакомства съ нею, ожила въ сознаніи педагоговъ личность ученика, — проснулась, воспрянула и оживилась творческой мыслью и личность учителя. Америка, которая еще такъ недавно стояла въ хвостѣ міровой педагогической работы, теперь, подъ вліяніемъ охватившихъ ее педологическихъ стремленій, заняла почетное мѣсто въ современной педагогикѣ. Экспериментально-педагогическое движеніе, еще такъ недавно начавшее свои завоеванія въ Европѣ, уже успѣло дать намъ цѣлый рядъ новыхъ педагогическихъ проблемъ и послужило толчкомъ для многихъ начинаній практическаго характера. На почвѣ изученія дѣтской природы, въ трудной работѣ обоснованія педагогики на антропологическихъ данныхъ, совершается невиданный прежде обмѣнъ трудовъ представителей разныхъ странъ и спеціальностей. Въ

*) „Быть и казаться“, 174.

задачахъ національнаго воспитанія, преслѣдуемыхъ отдѣльными народами, все больше и больше сознается единая, *общечеловѣческая* основа.

Не будемъ же забывать этой тѣсной связи между основными завѣтами Пирогова—создавать людей въ истинномъ смыслѣ этого слова—и его призывомъ къ внимательному и всестороннему изученію законовъ, управляющихъ развитіемъ душевной жизни учащихся. Вспомнимъ, что пренебреженіе знаніемъ личности учениковъ у насъ всегда шло рядомъ съ забвеніемъ всѣхъ лучшихъ завѣтовъ Пирогова. Не будемъ смущаться необыкновенной трудностью и сложностью стоящей передъ нами работы—изученія нашихъ дѣтей. И пусть воспоминаніе о свѣтломъ образѣ Пирогова, такъ тѣсно объединившее всѣхъ насъ, послужитъ новымъ источникомъ силъ для этой работы.

Н. И. Пироговъ о значеніи женщины въ воспитаніи.

Пироговъ признавалъ «самой высокой, послѣ религіи, сторовой общественной жизни—воспитаніе и сѣтовалъ на то, что въ русской жизни ему отводятъ или слишкомъ мало вниманія, или смотрятъ на дѣло воспитанія слишкомъ узко, матеріально.

«И богатые, и бѣдные, всѣ мы немногое, очень немногое, приносимъ въ жертву воспитанію нашихъ дѣтей! Просвѣщеніе ума и образованіе есть для насъ не цѣль высокая жизни, а только средство,—и то невѣрное,—къ улучшенію матеріальнаго быта».

Онъ ставитъ вопросы воспитанія широко, человѣчно, безъ фразъ и доктринерства, съ той глубокой искренностью, съ тѣмъ исканіемъ идеала и высшей правды, какія мы единодушно признали за Пироговымъ, и съ той рано развившейся въ немъ брезгливостью къ національному хвастовству, ухарству и шовинизму, которую онъ самъ за собой отмѣчаетъ въ своей автобіографіи.

Признавая громадную трудность и сложность вопросовъ воспитанія, подчеркивая всю важность и отвѣтственность роли воспитателя, отвергая педагогическую рецептуру, отвергая моду и фанатизмъ въ дѣлѣ педагогическомъ, Пироговъ вмѣстѣ съ тѣмъ, усмотрѣвъ *чудныя дарованія* и равноцѣнныя съ мужскими духовныя силы женщины, желаетъ видѣть ее рѣшающей трудныя задачи воспитанія.

«Пусть женщины поймутъ свое великое назначеніе,—писалъ онъ,—въ вертоградъ человѣческой жизни. Пусть поймутъ онъ, что, ухаживая за колыбелью челоуька, учреждая игры

его дѣтства, научая его уста лепетать и первыя слова, и первую молитву, — дѣлаются главными зодчими общества. Краеугольный камень кладется ихъ руками. «Къ вамъ, матери семействъ, — говоритъ Пироговъ въ статьѣ «Быть и казаться» — относится преимущественно мой совѣтъ: вмѣсто того, чтобы посылать вашихъ дѣтей на театральную или балльную сцену, ступайте сами за кулисы дѣтской жизни. Наблюдайте отсюда за первымъ ихъ лепетомъ и первыми движеніями души; наблюдайте ихъ здѣсь и тогда, когда они возвратятся къ вамъ, утомленные играми и всегда готовые снова ихъ начать».

«Только близорукое тщеславіе людей, строя алтари героямъ, смотритъ на мать, кормилицу и няньку, какъ на второстепенный, подвластный классъ. Только торговый материализмъ и невѣжественная чувственность видятъ въ женщинъ существо подвластное и ниже себя».

Но для того, чтобы выступать въ роли воспитательницы, чтобы помочь ребенку своему быть человекомъ, чтобы помочь ему познать себя, вникнуть въ свою индивидуальность, вмѣстѣ съ нимъ рѣшить вопросъ: «въ чемъ состоитъ цѣль нашей жизни? Какое наше назначеніе? Къ чему мы призваны? Чего должны искать?» — для этого женщинѣ столь-же необходимо, какъ и для мужчины, раннее развитіе мышленія и воли.

«Чтобы услаждать сочувствіемъ жизнь человека, чтобы быть сопутницей въ борьбѣ, — ей нужно искать искусства понимать, ей нужна самостоятельность воли, чтобы жертвовать; мышленіе — чтобы избирать и чтобы имѣть ясную и свѣтлую идею о цѣли воспитанія дѣтей». И для пріобрѣтенія такихъ свойствъ Пироговъ указалъ на необходимость кореннымъ образомъ измѣнить женское воспитаніе, въ которомъ заключается воспитаніе всего человѣчества.

По широтѣ и человѣчности своей натуры, по отсутствію крѣпостническихъ чертъ характера, Пироговъ естественнымъ образомъ приходитъ къ признанію равноправія мужчинъ и женщинъ.

Въ автобіографіи Пирогова мы находимъ интересный эпизодъ изъ того времени, когда Пироговъ въ Берлинскомъ университетѣ готовился къ профессорѣ. Анатомическій театръ при Берлинскомъ университетѣ не посѣщали въ тѣ времена ни профессора, ни студенты; главнымъ, почти единственнымъ посѣтителемъ его, знатокомъ анатоміи, мастерски умѣющимъ вылуцивать кости, была нѣкая г-жа Фогельзангъ; ей много былъ обязанъ Пироговъ своими обширными познаніями по анатоміи.

Пироговъ утверждалъ и, конечно, на основаніи опыта, что главный нашъ воспитатель и учитель—жизнь. И эти воспитывающія впечатлѣнія жизни благопріятно для женщины отразились въ педагогическихъ и общественныхъ взглядахъ Пирогова.

Онъ признавалъ, что женщина, получивъ надлежащее образованіе и воспитаніе, можетъ такъ-же хорошо усвоить себѣ научную, художественную и общественную культурность, какъ и мужчина.

Дѣятельность сестеръ милосердія подъ Севастополемъ укрѣпила въ Пироговѣ убѣжденіе въ великой духовной силѣ женщинъ. Двадцать лѣтъ спустя послѣ Севастопольской кампаніи, въ 1876 году Пироговъ писалъ баронессѣ Раденъ:

«Результаты эти (дѣятельность сестеръ) доказываютъ, что до сей поры мы совершенно игнорировали чудныя дарованія нашихъ женщинъ. Эти дарованія ясно доказываютъ, что современный женскій вопросъ и тогда уже былъ въ полномъ правѣ требовать своего raison d'être...»

То, что противники благоразумной эмансипаціи женщины еще до сегодня утверждаютъ, будто бы велика разница въ организаціи половъ, напр., меньшій вѣсъ мозга и проч.,—это нечего брать во вниманіе, и это никогда не выдержитъ серьезной критики...

Женщина съ мужскимъ образованіемъ и даже въ мужскомъ платьѣ всегда должна оставаться женственной и никогда не пренебрегать развитіемъ лучшихъ дарованій своей женской

природы. *И я рѣшительно не вижу, почему одинаковое общественное положеніе женщины съ мужчиной можетъ помѣшать такому развитію».*

Освѣжающей струей упали на русскую жизнь педагогическіе и общественные взгляды Пирогова. Лучшая часть русскаго общества къ сердцу приняла его завѣтъ: *«мы должны вернуть женщинъ съ лихвою то, что наши предки у нея отняли».*

Крушеніе крѣпостного строя и общій высокій подъемъ прогрессивныхъ стремленій въ 60-ые года кореннымъ образомъ измѣнили положеніе русской женщины. Создалось женское образованіе низшее и среднее, а затѣмъ и высшее. Со временъ первыхъ статей Пирогова по сегодня явились сотни тысячъ учащихъ дѣвочекъ и десятки тысячъ женщинъ учительницъ. Начальное образованіе почти всецѣло находится въ рукахъ женщинъ. Женщина выступила на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ умственного труда и съ честью выполняла и выполняетъ взятыя на себя обязанности. Женщина проникла въ святилище знаній—въ университетъ. Мы живемъ наканунѣ гражданскаго и политическаго равноправія женщины.

Создалась та возможность полного перевоспитанія женщины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всеобщаго перевоспитанія, о которой говорилъ Пироговъ.

Идеалы воспитанія Пирогова—въ значительной мѣрѣ идеалы будущаго. Обязанность русской женщины, освобожденной по слову Пирогова,—и за полвѣка пріобрѣтшей столько знаній, опыта и значенія,—обязанность русской женщины, русской матери постараться осуществить идеалы великаго педагога.

Пироговъ основнымъ вопросомъ человѣческой жизни ставилъ религіозные вопросы, и въ своей автобіографіи онъ пространно и интересно говоритъ намъ о своихъ религіозныхъ переживаніяхъ.

Эти переживанія, смотря по возрасту, бываютъ мучительны, порой трагичны. Женщина—мать должна серьезно

остановиться на этихъ вопросахъ, умѣть понять своихъ дѣтей, поддержать, руководить въ этихъ интимныхъ, глубокихъ переживаніяхъ, имѣя за собой душевный и умственный опытъ и научное развитіе.

Пироговъ безгранично высоко ставилъ науку. Русская мать, слѣдуя завѣту Пирогова, должна чутко прислушиваться, серьезно вникать во все то, что наука скажетъ ей относительно воспитанія и образованія дѣтей. Опираясь на данныя науки, которыя такъ поразительно ярко и убѣдительно говорятъ о пагубномъ вліяніи алкоголя на дѣтскій организмъ, о трагической зависимости дѣтской судьбы отъ алкоголизма родителей, русская мать должна потребовать, чтобы школа оградила здоровье и жизнь ея дѣтей, чтобы сдѣлалась обязательной въ школѣ проповѣдь трезвости. Пусть женщины—матери являются усердными и многотысячными читательницами книгъ, касающихся вопросовъ воспитанія, и многочисленными посѣтительницами научныхъ аудиторій.

50 лѣтъ тому назадъ Пироговъ сожалѣлъ о томъ, что у насъ нѣтъ того, безъ чего живется трудно и намъ, и нашимъ дѣтямъ—что у насъ нѣтъ традицій воспитанія, которыя есть у евреевъ и у западныхъ народовъ.

Задачи русской матери—выработать эти традиціи воспитанія и поставить русскихъ дѣтей подъ истинное культурное воздѣйствіе, для котораго нужны,—говоря словами Пирогова,—не абстрактный принципъ, не возвышенное пробужденіе сердца, а непрестанная и хорошо распределенная дѣятельность. Пирогова всего болѣе удручало или *равнодушіе* въ вопросахъ воспитанія или же односторонняя разрушительная критика.

Пироговъ желалъ, «чтобы общество сознательно участвовало въ достиженіи идеала воспитанія, безъ полного сознанія котораго новое вино будетъ вливаться въ старыя мѣхи, и всѣ усилія сдѣлать ветхое новымъ останутся тщетными».

Слѣдуя завѣту Пирогова, русская мать пусть выступитъ рѣшительно и энергично въ вопросахъ воспитанія, пусть подаетъ свой голосъ по школьному вопросу, который такъ жгуче-

близко касается ея дѣтей,—въ родительскихъ комитетахъ, въ училищныхъ совѣтахъ, въ Государственной Думѣ и въ прессѣ, конечно. И если были выслушаны и приняты во вниманіе заявленія женскія по вопросамъ измѣненія правъ наслѣдованія, раздѣльнаго жительствова супруговъ, политическаго равноправія, то еще болѣе вниманія окажутъ ея голосу по школьному дѣлу.

Пироговъ желалъ видѣть молодое поколѣніе серьезнымъ, вдумчивымъ, любознательнымъ, жизнерадостнымъ. Онъ желалъ, чтобы въ дѣтяхъ развита была *всесторонняя внимательность*, которая спасаетъ человѣка отъ погруженія въ эгоизмъ, а также,—чтобы дѣтей и юношей оберегали отъ загромождающихъ воображеніе впечатлѣній. Пирогова ужаснуло-бы то повѣтріе натъ-пинкертоновщины, преступности и самоубійствъ, какое омрачило русскую жизнь. Онъ указалъ-бы снова на недостатки воспитанія, и мы снова услышали-бы его призывъ къ женщинамъ, ко всему *обществу*—отдаться усердно, всей душой дѣлу воспитанія, чтобы умѣть отвѣчать на зло не безсиліемъ и растерянностью, а борьбой и побѣдой.

Почитая память Пирогова, а русская женщина не можетъ не чтить его памяти: она такъ многимъ ему обязана, почитая память Пирогова, русская интеллигентная мать (я не говорю уже о вооруженныхъ знаніями, опытомъ, значеніемъ) выступить усердной, неутомимой, убѣдительною работницей на необозримое и еще, по настоящему, не воздѣланное поле воспитанія дѣтей.

И пока у нея еще не сложилось свое продуманное и выстраданное *credo*, да будутъ такимъ *credo* для нея слова нашего обаятельнаго мудреца Пирогова:

«Идеаль воспитанія—быть человѣкомъ»!

Это идеаль не новый, но и не недостижимый. Для достиженія нужны: серьезный взглядъ на жизнь, полное сознаніе нравственной необходимости воспитанія, содѣйствіе (солидарность) духовное и матеріальное, теплая вѣра въ вѣчную истину и добро.

Взгляды Н. И. Пирогова на организацію школьнаго дѣла.

Мы привыкли называть педагогику «живымъ дѣломъ»; но не всегда отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ, что составляетъ условіе этой жизненности. Школьный организмъ, подобно другимъ общественнымъ организмамъ—администраціи, суду, церкви и т. д., живетъ тогда, когда онъ развивается, а развитіе зависитъ въ свою очередь оттого, насколько гибки при своей прочности и легки при своей устойчивости всѣ, такъ сказать, тѣлесные органы, съ помощью которыхъ функционируетъ, напр., школа или судъ. Безсиленъ духъ, идеалъ, не воплощающійся ни въ какой организаціи, бессильна форма, не организованная идеаломъ; она, по словамъ Пирогова, «безъ сознательныхъ идеальныхъ стремленій печальна, безцвѣтна и бесплодна». Трудность жизненнаго согласія идеала съ формою тѣмъ болѣе значительна, что идея въ ея безплотномъ бытіи легко и быстро можетъ уступить мѣсто другой идеѣ, а формы, въ данномъ случаѣ формы школьной организаціи, при своей громоздкости не могутъ съ такою же быстротою замѣняться другими.

Наши педагогическіе идеалы уходятъ въ лучезарную даль будущаго, наша педагогическая дѣйствительность грозитъ повтореніемъ мрачнаго прошлаго, и вопросъ о примиреніи идеи съ формой особенно интересенъ теперь, когда реорганизація школьнаго дѣла стоитъ на очереди дня.

Теперь цѣнно всякое указаніе въ этомъ отношеніи, и потому вполнѣ естественно обратиться для такого указанія къ сочиненіямъ Пирогова, педагога-теоретика и педагога-прак-

тика, человекъ, который въ языческой древности могъ почувствовать родственныи современному міру идеализмъ, а при разрѣшеніи вопросовъ практики, въ частности практики педагогической, руководился правиломъ «ничего ни отвергать, ни признавать безусловно».

«Что однажды кончилось», сказалъ онъ, «тому уже продолженія впредь—нѣтъ». Но отвергая нѣкоторыя частности въ практическихъ выводахъ Пирогова, частности не безусловно признававшіяся имъ, и внося поправки, не безусловно имъ отвергнутыя, мы можемъ ясно почувствовать преемственную связь нашихъ вопросовъ жизни съ педагогическими идеями Пирогова.

Прежде всего отъ государственной системы образованія Пироговъ требовалъ, чтобы въ основныхъ своихъ положеніяхъ она была свободна отъ безцвѣтности и безхарактерности идейнаго эклектизма. И въ этомъ онъ глубоко правъ. Эклектизмъ опасенъ тѣмъ, что, при практическомъ проведеніи его въ жизнь, въ концѣ концовъ никто не знаетъ, какіе элементы нужно ослабить, устранить или усилить, чтобы исправить для всѣхъ осязательное общее несовершенство школы, и приходится даже заграждать всякіе пути къ исправленію, ссылаясь на то, что школа наша такова, какую Богъ далъ. Религіозный человекъ былъ Пироговъ, но никогда бы не рѣшился онъ на такіе аргументы. «Живою силою личности» предлагалъ онъ обновить школу—и притомъ одновременно—сверху и снизу—отъ университета до начальной школы, слѣдовательно не такъ, чтобы сначала заняться начальной школой, потомъ положеніемъ объ учительскомъ жалованіи въ средней школѣ, объ университетской автономіи, о реформѣ гимназій и университетской прачешной. Нѣтъ вѣдомственнаго, а есть государственный вопросъ о народномъ образованіи, нѣтъ разныхъ типовъ и качествъ школъ, а есть одна система школьной организаціи, и «идеально-нормальное состояніе просвѣщенія въ обществѣ было бы то, если бы всѣ, безъ различія, однимъ путемъ вступали въ жизнь: путемъ

университетскимъ. Это значило бы, что всѣ, безъ различія сословія и состоянія, были бы обязаны пройти общій университетскій курсъ, поступить въ университетъ, избрать одинъ изъ его факультетовъ и потомъ уже войти въ жизнь, слѣдуя одному избранному пути. Этимъ обязательнымъ для всѣхъ гражданъ способомъ просвѣщеніе равномерно распространилось бы черезъ всѣ среды общества».

Эти слова подсказаны Пирогову его беззавѣтной вѣрой въ благотворное значеніе науки. Наука это продуктъ врожденнаго стремленія къ истинѣ, она должна быть свободна, и только въ Китаѣ глава государства можетъ возомнить, что онъ и центральная власть науки, и высшій научный авторитетъ.

Пироговъ признаетъ несимпатичныя ему политическія ученія научными заблужденіями, но возстаетъ противъ «полицейской точки зрѣнія» и считаетъ «нонсенсомъ вмѣшательство государства» въ такихъ случаяхъ; онъ называетъ нигилизмъ болѣзью науки, но убѣжденъ, что болѣзнь науки излѣчивается только наукой.

Вѣра въ науку дѣлаетъ Пирогова чрезвычайно рѣдкимъ исключеніемъ среди административныхъ сферъ министерства просвѣщенія, и именно эта вѣра заставляетъ его постоянно повторять, что никакое сословіе, никакая національность не должны подвергаться искусственному стѣсненію въ стремленіи къ просвѣщенію, что это въ нашей обширной, но малокультурной странѣ «есть по истинѣ величайшій политическій абсурдъ, ведущій только къ деморализаціи какъ стѣсненной, такъ и стѣсняющей среды». Такъ высказывается Пироговъ и по вопросу, всегда у насъ очень щекотливому, — о школьномъ образованіи евреевъ. Напоминая, что въ каждомъ механизмѣ необходимо возможно полное устраненіе тренія, Пироговъ примѣняетъ это положеніе и къ механизму школьной системы, а неравномерное, по искусственно созданнымъ условіямъ, образованіе различныхъ сословныхъ и национальныхъ группъ, устанавливая «монополию привилегирован-

ныхъ кастъ» какъ разъ и увеличиваетъ треніе въ общественномъ и школьномъ механизмѣ. Въ этомъ Пироговъ продолжаетъ оставаться правымъ и до настоящаго времени.

Для правильнаго рѣшенія вопросовъ, касающихся школьной организаціи, по его мнѣнію, нужно «принять за аксіому, столь же важную и въ педагогическомъ, и въ нравственномъ, и въ государственномъ отношеніи, что ученіе до извѣстнаго возраста должно быть одно и то же для всѣхъ сословіи и для всѣхъ состояній». Во избѣжаніе недоразумѣній не слѣдовало бы даже называть высшія школы народными, а говорить вообще о первоначальномъ или элементарномъ образованіи. Явно враждебно относится Пироговъ къ оффиціальнымъ устроителямъ школы, которые не на словахъ только, но и на дѣлѣ стараются для воспитанія низшихъ сословіи создать особыя школы, исключенныя изъ связи съ другими учебными учрежденіями и предназначенныя для подготовки къ практической, или, какъ прямо договариваетъ Пироговъ, «къ меркантильной жизни». Здѣсь, по его мнѣнію, сказывается застарѣлый крѣпостнической предразсудокъ, который и мѣшаетъ откровенно и ясно опредѣлить и высказать образовательно-воспитательныя задачи школы вообще. А между тѣмъ это должно быть сдѣлано и это очень легко сдѣлать—нужно только признать, что задача всякой школы дать научное образованіе. Дѣло не въ учебныхъ предметахъ и учебномъ расписаніи, а именно въ научномъ направленіи школы, начиная съ первой ея ступени. Никакихъ заднихъ мыслей, никакихъ лицемѣрныхъ словъ о нравственномъ, религіозномъ, патріотическомъ воспитаніи. Будетъ въ школѣ наука—будетъ все. Самый Законъ Божій—«главное нравственное средство школы»—долженъ войти въ школу лишь въ качествѣ науки.

Количество лѣтъ ученія и обширность программы зависятъ отъ матеріальныхъ средствъ личности и государства, но качество должно оставаться вездѣ одинаковымъ. Тогда общество не пощадитъ издержекъ для достиженія цѣли общаго,

хотя бы элементарнаго обученія, сдѣлаетъ для всѣхъ его обязательнымъ, говоря всѣмъ и каждому: «будь человѣкомъ». Правительство также должно понять, что при начавшейся эмансипаціи крѣпостнаго сословія нельзя обойтись безъ обязательности общаго образованія. Поэтому оно не должно стѣснять никакой регламентаціей открытіе начальныхъ школъ. «Нужно не только дозволить всѣмъ желающимъ учреждать элементарныя школы, но еще и допускать въ элементарныя училища всѣхъ желающихъ учить грамотѣ». За правительствомъ остается право контроля, право отказа въ матеріальной поддержкѣ той или иной слабо поставленной школѣ, но всякое грубое прикосновеніе къ школьному дѣлу надѣлаетъ больше вреда, чѣмъ научное заблужденіе, отъ науки происходящее, но наукой же только и исправляемое.

Единая по своей научной основѣ, школьная организація должна быть единой и по связи между школами разныхъ ступеней. Всѣ школы, начиная отъ элементарной и до университета, должны имѣть непрерывную связь между собою, чтобы одно учебное заведеніе служило основаніемъ другому. Точно также необходимо, чтобы каждое учебное заведеніе представляло изъ себя нѣчто законченное, пригодное въ практической жизни. Только пусть министерство просвѣщенія не беретса само опредѣлять, какому сословію и какая школа пристойна. Для него есть болѣе важная задача: оно должно съ полной опредѣлительностью выяснить для себя, сообразуясь съ условіями времени и состояніемъ науки, какова должна быть сумма познаній, необходимыхъ для высшей ступени образованія, и не колебаться безнадежно между реализмомъ и классицизмомъ, не достигая въ концѣ концовъ ни классическаго, ни реальнаго образованія.

Самъ Пироговъ—сторонникъ классицизма, но только потому, что ему лично не вырисовывается другой системы общаго образованія, а онъ полагаетъ, что общее образованіе должно непременно предшествовать спеціальному, оно должно убересть человѣка отъ узости и черствости спеціалиста.

На первоначальной ступени образованія общеобразовательный элементъ представленъ роднымъ языкомъ и начатками исторіи, а передъ факультетской спеціализаціей должна стоять общеобразовательная классическая школа. Но такъ какъ эта школа не сословная, не кастовая, а средняя лишь по уровню развитія учащихся, то необходимо органически связать ее съ начальной школой. Для этого слѣдуетъ приравнять программы первыхъ классовъ гимназіи къ программамъ общей начальной школы такъ, чтобы каждый по окончаніи курса этой школы или прогимназіи могъ поступить въ гимназію безъ всякаго затрудненія. Отдавая преимущество классическому характеру второй ступени обученія, Пироговъ полагаетъ, что естествознаніе и новые языки тоже могутъ завершить «общечеловѣческое образованіе», и догматическое рѣшеніе этого вопроса считаетъ для себя труднымъ. Но въ одномъ онъ убѣжденъ: программа гимназіи или реального училища должна быть принципиально продумана, переходъ изъ одной школы въ другую возможно болѣе облегченъ, и изъ обѣихъ долженъ быть открытъ путь въ высшую школу.

Единство школы, принятое Пироговымъ за основной организаціонный принципъ, разумѣется, требуетъ извѣстной опредѣленности и устойчивости въ учебныхъ планахъ. Но разъ этотъ принципъ всѣми принятъ и усвоенъ, онъ и будетъ руководящимъ началомъ для всего педагогическаго персонала. Оффиціальныи же контроль надъ программами и переводами учениковъ, какъ не достигающій цѣли, долженъ быть насколько можно менѣе стѣснительнымъ. Наставникамъ исключительно нужно поручить рѣшеніе вопроса о способѣ изложенія науки и о познаніяхъ учениковъ. Въ этомъ случаѣ лучше оказать довѣріе тѣмъ, которые его не совсѣмъ заслуживаютъ, нежели мало довѣрять людямъ, заслуживающимъ довѣрія.

«Принявъ за доказанную истину, что коллегіальное начало, несмотря на его нѣкоторые недостатки, есть все-таки самое лучшее въ дѣлѣ общественнаго образованія, нужно со-

хранять его въ чистотѣ, не допуская примѣси другого противоположнаго начала—бюрократическаго».

Предписанныя изъ Петербурга программы нужны только для посредственнаго и бездарнаго учителя, который будетъ ими оправдываться противъ обвиненія въ томъ, что его уроки не развили учениковъ, но онѣ до-нельзя стѣсняють даровитыхъ и самодѣятельныхъ наставниковъ. Программы должны утверждаться въ педагогическихъ совѣтахъ и то въ самыхъ общихъ чертахъ.

Пироговъ придаетъ важное значеніе личности преподавателя; но сразу замѣнить учителей другими нельзя—у насъ ихъ и безъ того мало. Значитъ, нужно создать такія «взаимныя отношенія лицъ», при которыхъ умъ, инициатива и знаніе находили бы наилучшія условія для своего примѣненія, а невѣжество, косность и бездарность были бы наиболѣе обезврежены. Пироговъ видитъ эти условія въ началахъ коллегіальности, выборности и автономіи педагогическаго персонала. Коллегіальность—это «вопіющая потребность нашего времени». Выборное начало должно быть «дорого, какъ зѣница ока». «Автономія воспитываетъ коллегію».

Пироговъ очень горячо возстаетъ противъ ограниченія коллегіальнаго начала путемъ изъятія важнѣйшихъ вопросовъ школьнаго дѣла изъ вѣдѣнія педагогическихъ совѣтовъ и сокращенія численнаго состава совѣтовъ. Онъ говоритъ, что преподаватель, лишенный права голоса въ самостоятельной педагогической корпораціи, неминуемо теряетъ свой авторитетъ въ глазахъ учениковъ, быстро улавливающихъ слабыя стороны школы. Не имѣя правъ законныхъ, онъ будетъ путемъ заискиванья передъ начальствомъ устраивать свое благополучіе въ обходъ закона. Привилегированные члены корпораціи съ своей стороны постараются отличиться своимъ рвеніемъ. Въ школѣ разовьется nepотизмъ, произволъ и низкопоклонство; это отразится на ученикахъ, и «такого зла не предотвратить и усиленное вліяніе обрядно-религіозной стороны жизни».

Коллегія должна быть поставлена выше лица. «Несправедливо и вредно» предоставлять начальнику школы право не исполнять или отмѣнять постановленія педагогическаго совѣта.

Дорожа самостоятельностью коллегіи, Пироговъ стоялъ за уничтоженіе должности инспектора въ гимназіяхъ. Директоръ же долженъ быть поставленъ закономъ въ такія границы, чтобы не угрожать самостоятельности педагогическаго коллектива. Не слѣдуетъ облекать директора правомъ избирать преподавателей—это дѣло самихъ преподавателей. Самая должность директора замѣщается по выбору въ попечительскомъ совѣтѣ непременно лицами изъ числа заслуженныхъ преподавателей. Это необходимо для того, чтобы вся педагогическая корпорація имѣла полное уваженіе не къ чину и власти, а къ научнымъ и педагогическимъ свѣдѣніямъ своего директора.

Только выборность даетъ дѣйствительную, а не внѣшне-формальную гарантію надлежащаго педагогическаго ценза для лицъ педагогической профессіи.

«Усиленную автономію» рекомендуетъ Пироговъ для университетовъ. Она здѣсь имѣетъ большое и педагогическое и общественное значеніе. Университетъ—учрежденіе, гдѣ не только преподаютъ, но и двигаютъ впередъ науку. Это—школа будущихъ учителей. Здѣсь вдвойнѣ необходима свобода—свобода научнаго изслѣдованія и свобода научнаго преподаванія. Автономія университета—есть идея эволюционирующая. Пироговъ опредѣляетъ тотъ мінімумъ автономіи, который возможенъ уже въ централизованномъ государствѣ. Прежде всего автономія немыслима рядомъ съ чиновничествомъ и карьеризмомъ. Гдѣ ученые—чиновники, тамъ и ученики—искатели чина, и учебное мѣсто обращается въ присутственное. «У насъ, чтобы дать университету настоящую самостоятельность, нужно поставить его внѣ всего іерархическаго строя. Пусть свѣтитъ оттуда».

«Государство не имѣетъ ни власти, ни права опредѣлять содержаніе науки и заграждать различные пути, по кото-

рымъ духъ стремится приблизиться къ истинѣ... Оно само много обязано наукѣ своимъ могуществомъ, возвышеніемъ власти и возвышеніемъ себя самого въ собственномъ своемъ сознаніи».

Отсюда ясно государственное значеніе университетской автономіи, оберегающей науку отъ полицейской подозрительности, а государство отъ научнаго банкротства.

Пироговъ былъ человѣкомъ церковной религіозности и очень умѣренныхъ политическихъ воззрѣній. Но эти взгляды были его собственнымъ достояніемъ и никѣмъ не были ему заказаны. Поэтому онъ говоритъ, что государство, запрещаая свободное разслѣдованіе иныхъ религіозныхъ догматовъ и политическихъ ученій, «этимъ не доказало бы ни твердости своей вѣры, ни твердой увѣренности въ томъ, что его подданные должны признавать для себя необходимымъ и прочнымъ».

Исходя изъ того положенія, что коллегіальность, выборность и автономія нужны собственно не только самимъ педагогамъ, а всему обществу, Пироговъ отстаиваетъ идею періодическихъ съѣздовъ преподавателей. Эти съѣзды должны не только способствовать выясненію специальныхъ вопросовъ преподаванія въ школахъ того или иного типа. Они, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны служить цѣлямъ сближенія между всѣмъ педагогическимъ персоналомъ страны, вліять на общественное мнѣніе, служить его органами и проводниками общественности и гласности въ школьныя стѣны. Самая «автономія безъ гласности немыслима».

Считая свое призваніе, какъ попечителя округа, быть миссіонеромъ и проповѣдникомъ, а не диктаторомъ и законодателемъ, Пироговъ всей силой своего слова старается убѣдить всѣхъ, что наша задача—«обнародить» школу и, конечно, даже не предчувствуетъ, что черезъ нѣсколько десятилѣтій у насъ появится новая задача—обезлюдить школу, и иные реформаторы школы, добившись такихъ результатовъ, скажутъ съ сознаніемъ исполненнаго долга: «Нынѣ отпускаеши...»

Пирогову пришлось оставить свой постъ при иныхъ условіяхъ. «Я отстаивалъ мой коренной принципъ», пишетъ онъ, «по которому попечитель обязанъ оказывать на учащихъ и учащихся одно лишь нравственное вліяніе и быть охранителемъ закона, другія же власти желали навязать мнѣ тайно-полицейскій надзоръ». И Пироговъ долженъ былъ уйти... Мы видѣли, какъ онъ думалъ ввести въ опредѣленное организаціонное русло нравственныя силы преподавателей. Намъ осталось припомнить, что ему представлялось необходимымъ сдѣлать въ этомъ направленіи относительно учащихся. И здѣсь его организаціонныя мѣры исходили изъ общаго принципіальнаго воззрѣнія на великую образующую и воспитывающую силу науки. Не закрывая глазъ на то, что у дѣтей и юношей никакими силами нельзя вытравить порывовъ къ самодѣятельности, а можно лишь исказить ее неумными запрещеніями, Пироговъ выступилъ съ необыкновенно смѣлымъ новшествомъ. Онъ зналъ, что ученики нерѣдко устраиваютъ дикій самосудъ надъ своими товарищами; онъ предложилъ организацію товарищескаго суда, вѣря въ то, что рѣшенія его, сначала можетъ быть тоже дикія, должны при нормальныхъ условіяхъ смягчиться и пріобрѣсти характеръ товарищескаго нравственнаго воздѣйствія. Онъ понималъ, что по разнымъ причинамъ любознательность учениковъ не вполне удовлетворяется на урокахъ, и потому внѣ педагогическаго наблюденія устремляется на пустяки. Поэтому онъ предлагаетъ указать законнымъ порядкомъ на организацію внѣклассныхъ научно-литературныхъ бесѣдъ, которыя пріучали бы старшихъ учениковъ къ самостоятельной работѣ въ университетѣ.

Онъ выступилъ убѣжденнымъ противникомъ пансіоновъ, которые издавна считаются существеннымъ средствомъ воспитанія. По мнѣнію Пирогова, всякіе пансіоны имѣютъ свои спеціально-пансіонскіе пороки, какъ всякіе госпитали имѣютъ госпитальныя болѣзни. Причины этихъ «госпитальныхъ болѣзней» въ педагогикѣ видитъ Пироговъ въ самомъ существѣ

пансіоновъ: они отрываютъ дѣтей отъ семьи, они скучиваютъ въ одно мѣсто дѣтей разныхъ возрастовъ и наклонностей, а главное, они не даютъ здороваго простора для самодѣятельности и въ погонѣ за внѣшнимъ надзоромъ и порядкомъ приучаютъ дѣтей къ «притворству и поддѣльности».

Принципъ самодѣятельности и корпоративности проводится Пироговымъ, само собой понятно, и въ отношеніи учащихся высшей школы. Точно также для всѣхъ школъ и для всѣхъ учащихся признаетъ онъ великой язвой отмѣточную систему и «экзаменаціонное направленіе» преподаванія и видитъ здѣсь прежде всего открытое недовѣріе начальства къ педагогамъ.

Доводы Пирогова противъ цифровыхъ отмѣтокъ и экзаменовъ до сихъ поръ не потеряли силы, и если отмѣтки и экзамены продолжаютъ существовать, то не потому, чтобы въ этихъ доводахъ не было убѣдительности, а скорѣе наоборотъ: Пироговъ и его послѣдователи слишкомъ убѣдительно доказывали, что отмѣтки и экзамены какъ разъ нужны для той системы воспитанія, при которой желаютъ воспитать не человѣка, а чиновника, не характеръ, а безличность, не научную пытливость, а формальную выучку.

Надъ Пироговымъ, какъ школьнымъ администраторомъ, тяготѣетъ обвиненіе въ допущеніи тѣлесныхъ наказаній. Надо умѣть разобраться въ этомъ обвиненіи. Какъ публицистъ, какъ врачъ, какъ педагогъ-теоретикъ, Пироговъ всегда и первый съ такою силой возставалъ противъ примѣненія розги въ школѣ. Но, какъ попечитель, не противорѣча своему основному принципу, онъ не захотѣлъ, вопреки сознанію большинства педагоговъ, въ административномъ порядкѣ отмѣнить розгу. Онъ могъ только нормировать ея примѣненіе, какъ и примѣненіе другихъ «патріархальныхъ» наказаній—и лишенная патріархальности, въ ореолѣ законнаго воздѣйствія розга сразу показалась настолько нелѣпой, что за одинъ годъ число тѣлесныхъ наказаній упало въ учебномъ округѣ у Пирогова до сравнительно ничтожной цифры.

Далеко еще не исчерпанъ весь матеріалъ, который могъ бы послужить къ дальнѣйшему развитію моей темы. Но, можетъ быть, будетъ лучше, если мое сообщеніе вызоветъ у кого-нибудь желаніе не спѣша и на досугѣ пересмотрѣть заново сочиненія нашего педагога. Это было бы не только чествованіемъ его памяти. Нѣтъ, современному читателю было бы интересно и поучительно найти у Пирогова обоснованныя и подробныя возраженія на тѣ бюрократическіе планы школьнаго строительства, которые теперь опять извлечены изъ архивовъ и занимаютъ вниманіе общества и законодательныхъ учрежденій въ качествѣ законопроектовъ школьной реформы.

Невольно можно прійти къ выводу, что и для нашей бюрократіи есть свои священные традиціи, и въ борьбѣ съ ними Пироговъ имѣетъ для насъ интересъ дня.

Поэтому и чествованіе его не можетъ ограничиваться однимъ только признаніемъ его историческихъ заслугъ. Его мысли нужны намъ самимъ и теперь, какъ были нужны и тогда, на зарѣ перваго «освобожденія».

Намъ говорятъ, что если шумѣть и толкаться у могилы, то лучше совсѣмъ не подходить къ могилѣ. Это обывательское разсужденіе можетъ относиться только къ обывательской толкотнѣ на обывательскихъ же похоронахъ. Но историческія имена то же, что боевыя знамена. Въ благоговѣйномъ молчаніи подходятъ къ нимъ, когда они хранятся въ музеяхъ и пантеонахъ. Но, чтобы попасть туда, они раньше должны долго рѣять въ воздухѣ, среди браннаго шума надъ мѣстомъ ожесточенной схватки.

Имя Пирогова еще только заслуживаетъ свое безсмертіе и зоветъ наше общество и учительство не къ праздному восторгу, а къ организованной борьбѣ за свободную, единую школу, за права личности учащихъ и учащихся, за торжество научной истины и общественной правды.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Портретъ Н. И. Пирогова.	
Ласгумоса. <i>Г. А. Казаченко.</i>	
Собраніе „Общества Эксперимент. педаг. психологін“ въ память Н. И. Пирогова	1
Жизнь Н. И. Пирогова. <i>Н. С. Карцова.</i>	4
Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ-гуманистъ. <i>П. Ф. Каптерева.</i> . .	22
Н. И. Пироговъ, какъ предшественникъ педологическаго движенія. <i>А. П. Нечаева.</i>	30
Н. И. Пироговъ о значеніи женщины въ воспитаніи. <i>Е. А. Чебы- шевой-Дмитріевой</i>	33
Взгляды Н. И. Пирогова на организацію школьнаго дѣла. <i>С. А. Золотарева</i>	39

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

КАПТЕРЕВЪ, П. Ф. «Изъ исторіи души» (Очерки по исторіи ума).

Спб., 1890 г. Ц. 2 р.

Педагогическій процессъ. Спб. 1905 г., ц. 75 к.

Исторія русской педагогіи. Спб. 1910 г., ц. 3 р.

Отдѣльные выпуски «Энциклопедіи семейнаго воспитанія и обученія»:

Задачи и основы семейнаго воспитанія. О дѣтскихъ играхъ и развлеченіяхъ. О дѣтской подражательности. Основныя начала семейнаго обученія. О дѣтской природѣ. О развитіи въ дѣтяхъ правдивости и др.

ЗОЛОТАРЕВЪ С. А. Историко-литературные очерки. Пушкинъ и русское общество. Гоголевская Русь. И. С. Тургеневъ въ его жизни и творчествѣ. Философія Л. Н. Толстого въ его худож. произв. Спб., 1909 г. Ц. 60 к.

О преподаваніи роднаго языка и литературы. Спб. 1909 г. Ц. 30 к.

Очерки по исторіи педагогіки на Западѣ и въ Россіи. Спб., 1910 г. Ц. 1. 25 к.

ЧЕБЫШЕВА-ДМИТРИЕВА Е. А. Вопросы начальной школы и педагогич. очерки. Спб. Ц. 1 р.

Улыбки и слезы (Сборн. рассказовъ для дѣтей). Ц. 1 р. 20 к.

Роль женщины въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Ц. 20 к.

Одинъ день въ лѣсу. Война мышей и лягушекъ. (Пьесы для дѣт. театра). Ц. 20 к.

Отзвуки страсти и муки. Стихотворенія. Ц. 50 к.

«ЭНЦИКЛОПЕДІЯ СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ» подъ ред. П. Ф. Каптерева и Н. С. Карцова, изд. при Спб. Родительскомъ Кружкѣ. 58 вып.; каждый, отъ 30 до 40 коп., посвященъ особому вопросу. На послѣд. вып., «Семейное воспитаніе въ Англіи», Ц. 30 к.» обозначены всѣ предшествующіе (Магаз. «Новаго Времени»).

ИСПОЛНЯЛИ АРТИСТЫ-ПЕДАГОГИ:
 М. М. ЧУПРЫННИКОВЪ. (1^й теноръ.)
 Н. М. САФОНОВЪ. . . . (2^й теноръ.)
 Н. Н. КЕДРОВЪ. . . . (Баритонъ.)
 К. Н. КЕДРОВЪ. . . . (Басъ.)
 Г. А. КАЗАЧЕНКО. . . . (Рожь.)

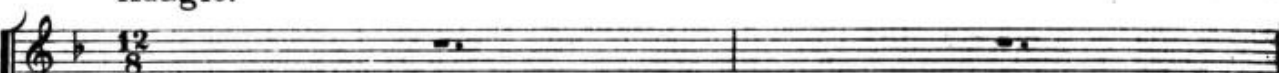
Переложенное для мужского квартета (специально для этого вечера)

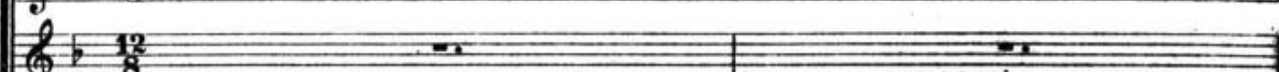
Хормейстеромъ ИМПЕРАТОРСКОЙ оперы ГЕОРГИЕМЪ АЛЕКСѢВИЧЕМЪ КАЗАЧЕНКО.

Лacrymosa

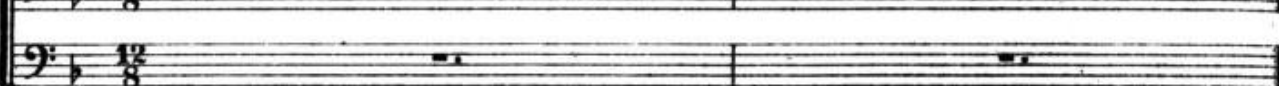
изъ Requiem Mozart'a.

Adagio.

TEN I. 

TEN II. 

BARITON. 

BAS. 

Adagio.

Piano. 



La - cry - mo - sa di - es il - la, qua re - sur - get

ex fa - vil - la, ju - di - can - dus ho - mo re - us

cresc. *f*

cresc. *f*

cresc. *f*

cresc. *f*

cresc. *f*

Sotto voce. *f*

Sotto voce. *f*

La - cry - mo - sa di - esil - la qua re - sur - get

Sotto voce. *f*

Sotto voce. *f*

p *f*

ex fa - vil - la, ju - di - can - dus ho - mo re - us

p

Hu - ic er - go par - ce, De - us, pi - e Je - su,

p

p

Je - su, Do - mi - nel

p

f

Do - na e - is re - qui - em

f

Do - na e - is, do - na e - is re -

Do - na e - is, do - na e - is

Do - na e - is, do - na e - is re -

Do - na e - is, Do - na e - is re -

The first system consists of four vocal staves and a piano accompaniment. The vocal parts are in G major and 4/4 time. The piano accompaniment features a rhythmic pattern of eighth and sixteenth notes in the right hand and chords in the left hand.

qui - em!

re - qui - em!

qui - em!

qui - em!

A - - - - - men!

The second system continues the vocal and piano parts. It includes dynamic markings: *mf* (mezzo-forte) and *pp* (pianissimo). The piano accompaniment continues with the same rhythmic pattern, ending with a *pp* marking.

The third system shows the piano accompaniment for the final part of the page. It features a complex rhythmic pattern in the right hand and chords in the left hand, ending with a *pp* marking.

ВЪ ЛАБОРАТОРИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ИМѢЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Воспитаніе женщины <i>Проф. Скойтена</i> 1911 г.	1 р. 20 к.
Ассоціація сходства. <i>А. Нечаева</i>	2 » 50 »
Книжки педагогической психологіи V--XI по	— » 70 »
Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей. Изд. 2-е <i>А. Нечаева</i>	1 » 80 »
Программа изслѣдованія личности. <i>А. Лазурскаго</i>	— » 20 »
Ежегодникъ Экспериментальной педагогики, т. I. 1908 г.	1 » 50 »
» » » т. II. 1909 г.	1 » — »
Гербертъ Спенсеръ и научное воспитаніе. <i>Компейре</i>	— » 50 »
Учебникъ психологіи для средней школы и самообразованія. <i>А. Нечаева</i> . 4-е изд.	1 » — »
Естественная исторія ребенка. <i>Детжера</i> (печатается)	— » — »
Труды I Съѣзда по педагогической психологіи въ г. С.-Петербургѣ въ 1906 г.	1 » 20 »
Коллекція простѣйшихъ приборовъ для преподавателей психологіи. <i>А. П. Нечаева</i> и <i>М. И. Конорова</i>	— » 15 »
Физиологическая психологія. <i>В. Вундта</i> . Пер. подъ ред. <i>Крогиуса, Лазурскаго и Нечаева</i>	— » — »
Начало дѣла. Труды Сиб. Педагогической Академіи вып. I. <i>Н. И. Пироговъ. Н. Румянцева</i> 1910 г.	— » 80 »
Лабораторія экспериментальной педагогической психологіи. Вып. I <i>М. Конорова</i> (печатается).	— » — »
Труды II Съѣзда по педагогической психологіи въ 1909 г.	1 » 50 »
Современная эксперим. психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. Изд. 2-е. Т. I.	1 » 80 »
Коллекція діаграммъ—пособіе при преподаваніи психологіи	3 » — »
Современное значеніе. <i>Н. И. Пирогова</i>	— » 40 »
Психологическіе профили по системѣ <i>Г. И. Россолимо</i> Таблицы, альбомы и пр. для психол. изслѣд.	

Выписывающ. книги изъ Лаб. эксперим. пед. психол. (Фонтанка, 10 или Педаг. Акад. (Лиговская, 1) не менѣе, чѣмъ на 1 руб., съ перес. не платятъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.